

А. КАМО

КАЛИГУЛА

Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА :

К а л и г у л а

Ц е з о н и я

Г е л и к о н

С ц и п и о н

К а с с и й Х е р е я

С е н е к т, старый патриций

М е т е л и й †

Л е п и д † патриции

О к т а в и й †

Патрикий, управляющий

М е р е я

М у ц и й

Ж е н а М у ц и я

Стражники, рабы, поэты

Место действия— дворец Калигулы.

Между первым и вторым действием проходит
три года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1

В дворцовом зале толпятся патриции. Они встревожены.

1 - й п а т р и ц и й. Его по-прежнему нет.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Утром не было, вечером тоже.

2 - й п а т р и ц и й. Уже три дня нет.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Гонцы прибывают ни с чем.

2 - й п а т р и ц и й. Все окрестности обысканы. Что
делать?

1 - й п а т р и ц и й. Не стоит зря волноваться, подождем
немного. Как ушел, так и вернется.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Я был здесь, когда он покинул дворец. Видели бы вы его глаза?

1-й п а т р и ц и й. Я тоже был и спросил, что с ним.

2-й п а т р и ц и й. Что он сказал?

1-й п а т р и ц и й. Одно слово: "Ничего".

Пауза. Входит Геликон. Он жует луковицу.

2-й п а т р и ц и й - /по-прежнему встревоженный/.
Дело серьезное.

1-й п а т р и ц и й. Полно, молодежь вся такая!

С т а р ы й п а т р и ц и й. С годами пройдет.

2-й п а т р и ц и й. Вы так думаете?

1-й п а т р и ц и й. Скорее бы он ее забыл.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Ничего, одну потерял - десятков найдет.

Г е л и к о н. С чего вы взяли, что это из-за любви?

1-й п а т р и ц и й. А из-за чего же?

Г е л и к о н. Печень, например, разболелась. Или вас надоело видеть. Если бы наши ближние могли менять

физиономии, их было бы куда легче выносить. Но в меню, увы, никаких перемен— все одна и та же свиная отбивная.

Старый патриций. А я предпочитаю думать, что причина всего— любовь. Это так трогательно!

Геликон. А главное— успокаивает нервы! Вот болезнь, которая не щадит ни умных, ни глупых.

1-й патриций. Как бы там ни было, любому горю наступает конец. Признайтесь честно, могли бы вы страдать больше года?

2-й патриций. Нет.

1-й патриций. И никто не может.

Старый патриций. Иначе жизнь стала бы невыносимой.

1-й патриций. Совершенно верно. Возьмите хотя бы меня. В прошлом году умерла моя жена. Сначала, конечно, я сильно горевал, а потом, как видите, успокоился. Временами тоскую и сейчас, но, в общем, ничего.

Старый патриций. Природа прекрасно все устроила!

Геликон. Глядя на вас, этого не скажешь.

Входит Кассий.

1-й патриций. Ну что?

Кассий. Как прежде— ничего.

Геликон. Спокойствие, господа, только спокойствие! Сохраним хотя бы видимость. Империя— это мы. Если мы потеряем лицо, империя лишится головы, а это совсем некстати. Начнем с того, что позавтракаем. Империи это пойдет на пользу.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Верно! Зачем забывать о себе?

К а с с и й. Не нравится мне это. Слишком хорошо все шло до сих пор: наш император был само совершенство.

2-й п а т р и ц и й. Добропорядочный, неопытный.

1-й п а т р и ц и й. К чему, в таком случае, ваши причитания? Что мешает ему снова стать прежним? Да, он любил Друзиллу. Но ведь она— его сестра! Спать с ней— еще куда не шло, но переворачивать из-за ее смерти вверх дном Рим— это уже слишком.

К а с с и й. Он несдержан, это мне не нравится. Как и его нынешний побег.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Нет дыма без огня.

1-й п а т р и ц и й. Как бы там ни было, кровосмешение, да еще в духе греческих трагедий, совсем не в пользу государства. Тайного инцеста ему, видите ли, показалось мало.

Г е л и к о н. Кровосмешение— дело поневоле шумное. Кровать слишком скрипит, если так можно выразиться. Да и кто вам сказал, что причина всего— в Друзилле?

2-й п а т р и ц и й. А в чем же?

Г е л и к о н. Догадайтесь. И не забывайте, что беда подобна женитьбе: думаешь, что выбираешь сам, а оказалось— выбрали тебя. Что поделаешь? Калигула несчастен, но вряд ли сам знает почему. Наверное почувствовал вдруг, что его загнали в угол, вот и бежал. Всякий бы так поступил. Если бы я, например, был волен выбирать отца, то до сих пор не родился.

Входит Сципион.

С ц е н а 2

К а с с и й. Ну что?

С ц и п и о н. Все то же. Говорят, вчера ночью его видели крестьяне: он бродил под дождем возле дворца.

Кассий возвращается к патрициям. Сципион следует за ним.

К а с с и й. Сципион, когда это случилось?

С ц и п и о н. Три дня тому назад. Я, как обычно, был рядом с ним. Он подошел к телу Друзиллы, коснулся его рукой и задумался. Потом повернулся и неторопливо вышел. С тех пор его не могут найти.

К а с с и й /качая головой/. Юноша чересчур увлекался литературой.

2-й п а т р и ц и й. Вполне естественно для его возраста.

К а с с и й. Но не для положения! Что может быть ужаснее императора- поэта! Впрочем, у нас уже были такие.

Однако, те хоть сохраняли склонность к ~~к~~ государственной деятельности.

1-й п а т р и ц и й. И было спокойней.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Каждый сверчок- знай свой шесток.

С ц и п и о н. Кассий, что можно сделать?

К а с с и й. Ничего.

2-й п а т р и ц и й. Подождем. Если он не вернется, придется найти ему замену. Императоров среди нас- более, чем достаточно.

1-й п а т р и ц и й. Согласен, только характеров не хватает.

К а с с и й. А если он вернется в плохом настроении?

1-й п а т р и ц и й. Он еще ребенок! Заставим его прислушаться к доводам разума.

К а с с и й. Но если он останется глух?

1-й п а т р и ц и й /смеется/. Ну что же! Не я ли, в свое время, написал книгу о государственных переворотках?

К а с с и й. Думаешь, она понадобится?

С ц и п и о н. Прошу прощения.

Уходит.

К а с с и й. Мы его смутили.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Тоже ребенок. Все дети-заодно.

Г е л и к о н. Заодно или нет, состарятся и они.

Появляется стражник.

С т р а ж н и к. В дворцовом саду видели императора!
Все уходят.

С ц е н а 3

Некоторое время сцена пуста. ~~Слева, крадучись, входит Калигула.~~ Слева, крадучись, входит Калигула. У него растерянный вид, он весь промок и в грязи. Калигула подносит руки ко рту, дышит на них; затем направляется к зеркалу, заметив свое отражение, останавливается. Он что-то неразборчиво бормочет и, опустив голову, садится. Слева входит Геликон. Увидев Калигулу, он останавливается в глубине сцены и молча наблюдает за ним. Калигула оборачивается. Пауза.

Г е л и к о н /через всю сцену/. Приветствую тебя, Кай.
К а л и г у л а /непринужденно/. Здравствуй, Геликон.

Молчание.

Г е л и к о н. Устал?

К а л и г у л а. Да. Много ходил.

Г е л и к о н. Тебя долго не было.

Молчание.

К а л и г у л а. Ее нелегко было разыскать.

Г е л и к о н. Кого?

К а л и г у л а. Ту, которую я давно хочу.

Г е л и к о н. Кого же?

К а л и г у л а /по-прежнему непринужденно/: Луну.

Г е л и к о н. Что?

К а л и г у л а. Я хочу луну.

Г е л и к о н. А... /Молчание. Геликон подходит ближе/.

Зачем она тебе?

К а л и г у л а. Ну, как тебе сказать... Ее у меня нет.

Г е л и к о н. Понятно... Ну и как, добился своего?

К а л и г у л а. Нет. Не смог.

Г е л и к о н. Обидно.

К а л и г у л а. Вот и устал. /Пауза./ Геликон!

Г е л и к о н. Да, Кай.

К а л и г у л а. Ты думаешь, я сошел с ума?

Г е л и к о н. Я вообще ничего не думаю, тебе это известно. У меня хватает ума для этого.

К а л и г у л а. Да. Но я- не сумасшедший. Напротив, никогда еще я не был таким рассудительным. Просто мне захотелось невозможного. /Пауза/. Существующее ме-

ня не удовлетворяет.

Г е л и к о н. Довольно распространенная точка зрения.

К а л и г у л а. Возможно. Только прежде я ее не знал.

А теперь знаю. /Все так же непринужденно./ Мир, какой он есть, невыносим. Мне нужна луна, мне нужно счастье, бессмертие, что угодно, но то, чего нет в нашем мире.

Г е л и к о н. Мысль довольно естественна, а вот как воплотить ее в жизнь?

К а л и г у л а. /поднимаясь, с прежней простотой/. В том-то и дело! Никто никогда не воплощал ее в жизнь, и потому ничто до сих пор не было достигнуто. А ведь, возможно, для этого достаточно, оставаться логичным до самого конца. /Смотрит на Геликона./ Я знаю, ты думаешь сейчас: сколько сложностей из-за смерти одной женщины! Поверь, не в ней дело! Память убеждает меня, что несколько дней назад умерла женщина, которую я любил. Но что такое любовь? Ничто! Уверяю тебя, ее смерть — ничего для меня не значит; она лишь свидетельство истины, сделавшей для меня луну необходимой. Эта истина проста и очевидна, даже чуть глуповата, но открыть ее трудно, а вынести — еще трудней.

Г е л и к о н. Какая истина, Кай?

К а л и г у л а /отвернувшись, безразличным голосом/.

Люди смертны и потому несчастны.

Г е л и к о н /после молчания/. Кай, но с этой истиной все прекрасно уживаются, взгляни вокруг. Разве твоя

истина мешает людям завтракать?

К а л и г у л а /внезапный взрыв смеха/. В таком случае, вокруг меня — ложь, а мне нужна истина! Но у меня есть

средство заставить их жить истинной жизнью. Я знаю, Геликон, чего им не хватает. Они лишены подлинного знания, у них нет учителя, понимающего то, чему он учит.

Г е л и к о н. Не обижайся, Кай, но сейчас тебе надо выспаться.

К а л и г у л а /садится, мягко/. Не могу, Геликон, и не смогу никогда.

Г е л и к о н. Почему?

К а л и г у л а. Если я усну, кто даст мне луну?

Г е л и к о н /помолчав/. Верно.

К а л и г у л а /с трудом поднимаясь/. Геликон, сюда кто-то идет, я слышу шаги и голоса. Прошу тебя, забудь, что видел меня сейчас.

Г е л и к о н. Хорошо.

К а л и г у л а /направляется к двери, по дороге оборачивается/. И еще об одном прошу: помоги мне.

Г е л и к о н. Кай, у меня нет причин отказать. Но я слишком много знаю и слишком немым интересуюсь.

В чем я могу помочь?

К а л и г у л а. В невозможном.

Г е л и к о н. Сделаю, что могу.

Калигула уходит. Быстро входят Сципион и Цезония.

С ц е н а 5

С ц и п и о н. Геликон, ты его видел?

Г е л и к о н. Нет.

Ц е з о н и я. Геликон, перед своим бегством он ничего тебе не говорил?

Г е л и к о н. Я— зритель, а не поверенный. Это благоразумнее.

Ц е з о н и я. Прошу тебя...

Г е л и к о н. Милая Цезония, все знают, что Кай— идеалист. Иначе говоря, никто его не понял, кроме меня, да и я— лишь потому, что ничем больше не занимаюсь. Так вот, если Кай поймет себя, то он, с его добрым сердцем, сумеет пойти наперекор всем, и бог знает, что из этого получится. А сейчас, с вашего позволения, я пойду завтракать.

Уходит.

С ц е н а 6

Ц е з о н и я /устало садится/. Его видел стражник, но теперь Калигула мерещится всему Риму. А сам Калигула не видит ничего, кроме своей идеи.

С ц и п и о н. Какой идеи?

Ц е з о н и я. Откуда мне знать?

С ц и п и о н. Друзилла?

Ц е з о н и я. Вряд ли. Хотя он действительно ее любил. Невыносимо видеть, как та, которую вчера обнимал, сегодня умирает.

С ц и п и о н /неуверенно/. А ты?

Ц е з о н и я. Что я? Всего—навсего стареющая любовница.

С ц и п и о н. Цезония, его надо спасти.

Ц е з о н и я. Так ты его любишь?

С ц и п и о н. Люблю. Он был добр ко мне. Я хорошо помню его слова, что жить нелегко, но что для облегчения жизни существует религия, искусство, любовь. Он часто повторял, что страдание— форма самообмана. Он мечтал о справедливости.

Ц е з о н и я /поднимаясь/. Совсем ребенок! /Она подходит к зеркалу и смотрит в него./ Моим единственным богом всегда было мое тело, и этого бога я умоляю вернуть мне Кая.

Входит Калигула. Заметив Цезонию и Сципиона, он в нерешительности отступает. В этот момент с противоположной стороны входят патриции и управляющий дворцом. Изумленные, они останавливаются. Цезония оборачивается и вместе со Сципионом спешит к Калигуле. Он удерживает их движением руки.

С ц е н а 7

Управляющий. Мы... мы искали тебя, Цезарь.

К а л и г у л а /отрывистым, изменившимся голосом/. Вижу.

У п р а в л я ю щ и й. Мы... то есть...

К а л и г у л а. Что вам надо?

У п р а в л я ю щ и й. Цезарь, мы беспокоились.

К а л и г у л а /направляясь к нему/. По какому праву?

У п р а в л я ю щ и й. Э-э...гм... /Внезапно осененный, быстро./ Дело в том, что тебе необходимо срочно рассмотреть ряд вопросов, касающихся государственной казны.

К а л и г у л а /в приступе безудержного смеха/. Что?

Ну, конечно, конечно, все правильно. Что может быть важнее казни?

У п р а в л я ю щ и й. Да, Цезарь.

К а л и г у л а /по-прежнему смеясь, Цезонии/. Дорогая; как по-твоему, государственная казна— самое важное в жизни?

Ц е з о н и я. Не думаю.

К а л и г у л а. Только потому, что ничего в этом не смыслить. Казна— дело первостепенной важности. Все важно: финансы, общественная мораль, внешняя политика, военные поставки, аграрные законы! Уверю тебя, все— главное, все— на одном уровне: величие Рима и приступ твоей подагры. Ну что же, займись финансами. Управляющий, ты меня слушаешь?

У п р а в л я ю щ и й. Мы все слушаем.

Патриции приближаются.

К а л и г у л а. Могу я тебе доверять?

У п р а в л я ю щ и й /с упреком/. Цезарь!

К а л и г у л а. Так вот, я хочу ознакомить тебя с одним проектом. Благодаря ему, мы в два счета приведем экономику в порядок. Сейчас я все расскажу... только пусть сенаторы нас оставят.

Патриции уходят.

С ц е н а 8

Калигула усаживается возле Цезонии.

К а л и г у л а. Слушай внимательно. Во-первых, все пат-

риции и все граждане империи, обладающие любым состоянием, должны в обязательном порядке лишиться своих детей наследства и завещать его в пользу государства.

У п р а в л я ю щ и й. Но, Цезарь...

К а л и г у л а. Я еще не~~х~~ кончил. По мере возникновения денежных затруднений мы будем казнить наших граждан в произвольно установленном порядке и наследовать их состояние. В случае необходимости порядок можно будет изменить.

Ц е з о н и я /освобождаясь/. Что с тобой?

К а л и г у л а /невозмутимо/. Порядок казней, фактически не играет особого значения. Или, точнее, все казни имеют одинаковое значение, откуда следует, что они его совершенно не имеют. К тому же вина каждого человека ничуть не меньше вины любого другого. Замечу кстати, что грабить граждан таким образом ничуть не безнравственнее, чем вводить косвенные налоги на цены. Все знают, что управлять — значит воровать, но с соблюдением определенных приличий. А я буду воровать в открытую! /Сурово./ Немедленно приступай к исполнению моих указаний. Чтобы сегодня же завещания подписали все жители Рима, а в течение месяца — обитатели провинций. Разошли гонцов.

У п р а в л я ю щ и й. Цезарь, ты не отдаешь отчета...

К а л и г у л а. Выслушай меня, идиот. В том случае, когда казна становится самым главным, человеческая жизнь

теряет всякую ценность. Это очевидно. Все, рассуждающие вроде тебя, должны согласиться с этим суждением, и, поскольку деньги являются для них всем, ни во что не ставить свои жизни. Я решил быть логичным, а моя власть научит логике вас. Я уничтожу как противоречия, так и противоречащих. И начну, пожалуй, с тебя.

У п р а в л я ю щ и й. Цезарь, уверяю тебя, моя добропорядочность не подлежит сомнению...

К а л и г у л а. Моя тоже. Это видно хотя бы из того, что я согласился встать на твою точку зрения и сделал предметом своих размышлений государственные финансы. Одним словом, ты должен быть мне благодарен, поскольку я присоединился к твоей игре и играл твоими картами. /Пауза. Спокойно/. Что касается моего проекта, то он гениально прост, и, следовательно, в обсуждениях не нуждается. А теперь, пошел прочь! Считаю до трех: раз...

Управляющий дворцом исчезает.

С ц е н а 9

Ц е з о н и я. Не узнаю тебя! Надеюсь, это шутка?

К а л и г у л а. Не совсем. Скорее— педагогический прием.

С ц и п и о н. Кай, но это невозможно!

К а л и г у л а. Вот именно.

С ц и п и о н. Не понимаю тебя.

К а л и г у л а. Вот именно! Речь идет как раз о невозможном, или, точнее, о том, как сделать невозможное возможным.

С ц и п и о н. Но такая игра не знает пределов. Развлечение безумца!

К а л и г у л а. Нет, Сципион, мужество императора. /Устало откидывается назад/. Наконец-то я понял смысл власти. Она делает невозможное возможным. Отныне и навсегда моя свобода безгранична.

Ц е з о н и я /грустно/. Не знаю, Кай, стоит ли этому радоваться.

К а л и г у л а. И я не знаю. Но жить этим, думаю, можно.
Входит Кассий.

С ц е н а 10

К а с с и й. Мне сообщили о твоём возвращении. Я молился за твоё здоровье.

К а л и г у л а. Мое здоровье благодарит тебя за это.
/Пауза. Внезапно./ Уйди, Кассий, я не желаю тебя ~~видеть~~ видеть!

К а с с и й. Кай, ты меня удивляешь.

К а л и г у л а. Не удивляйся. Я не люблю литераторов и не выношу их лживых выдумок. Они говорят лишь для того, чтобы не слышать себя. А если бы услышали, то узнали, ^{sic} что они — ничто, и сразу бы замолчали. Ну иди, иди, я боюсь лжесвидетелей.

К а с с и й. Если мы и лжем, то часто не подозреваем об этом и не виновны в своей лжи.

К а л и г у л а. Ложь не может быть невинной. Вы придаете чрезмерное значение людям и вещам, и этого я не могу вам простить.

К а с с и й. Но если мы хотим жить в этом мире, его необходимо оправдать.

К а л и г у л а. Не оправдаешь, приговор уже вынесен! Этот мир не имеет никакого значения, и всякий, кто понял это, обрел свободу. /Встает/. Я ненавижу вас за то, что вы— несвободны. Во всей империи свободен один я. Можете радоваться, наконец—то у вас появился император, который преподаст вам урок свободы. Иди, Кассий! И ты, Сципион, тоже. Меня смешит твоя привязанность ко мне. Идите и сообщите Риму, что ему возвращена свобода и что его ожидает великое испытание свободой.

Кассий и Сципион уходят. Калигула отворачивается.

С ц е н а 11

Ц е з о н и я. Ты плачешь?

К а л и г у л а. Да.

Ц е з о н и я. Ну скажи, почему ты так изменился? Да, ты любил Друзиллу, но ты любил и меня, и многих других. Неужели ее смерть— причина твоего бегства из Рима?

К а л и г у л а /поворачивается/. Глупая, при чем здесь Друзилла? Разве трудно понять, что мужчины плачут не из—за любви, а по другой причине?

Ц е з о н и я. Кай, прости. Я пытаюсь понять.

К а л и г у л а. Мужчины плачут из—за того, что мир— совсем не такой, каким он должен быть. /Цезония подходит к нему./ Не надо, Цезония! /Она отступает./ Не

К а с с и й. Но если мы хотим жить в этом мире, его необходимо оправдать.

К а л и г у л а. Не оправдаешь, приговор уже вынесен! Этот мир не имеет никакого значения, и всякий, кто понял это, обрел свободу. /Встает/. Я ненавижу вас за то, что вы— несвободны. Во всей империи свободен один я. Можете радоваться, наконец—то у вас появился император, который преподаст вам урок свободы. Иди, Кассий! И ты, Сципион, тоже. Меня смешит твоя привязанность ко мне. Идите и сообщите Риму, что ему возвращена свобода и что его ожидает великое испытание свободой.

Кассий и Сципион уходят. Калигула отворачивается.

С ц е н а 11

Ц е з о н и я. Ты плачешь?

К а л и г у л а. Да.

Ц е з о н и я. Ну скажи, почему ты так изменился? Да, ты любил Друзиллу, но ты любил и меня, и многих других. Неужели ее смерть— причина твоего бегства из Рима?

К а л и г у л а /поворачивается/. Глупая, при чем здесь Друзилла? Разве трудно понять, что мужчины плачут не из-за любви, а по другой причине?

Ц е з о н и я. Кай, прости. Я пытаюсь понять.

К а л и г у л а. Мужчины плачут из-за того, что мир— совсем не такой, каким он должен быть. /Цезония подходит к нему./ Не надо, Цезония! /Она отступает./ Не

уходи, побудь возле меня.

Цезония. Я сделаю все, что ты желаешь. /Садится./

В мои годы знают, что жизнь ужасна. Но если мир полон зла, зачем его умножать?

Калигула. Тебе этого не понять. Да и не все ли равно? Я чувствую, что во мне поселились какие-то безмянные существа. Как мне с ними справиться? /Поворачивается к ней./ Цезония, мне было известно, что существует отчаяние, но я никогда не представлял, что это такое. Как и все, я думал: это — болезнь души. Оказывается, больше всего страдает тело. Стынет кожа, теснит грудь, болят руки и ноги, ломит голову, тошнит... А самое ужасное: горечь во рту — запах крови, смерти, лихорадки, всего вместе... Стоит шевельнуть язык, как в глазах темнеет, и мир становится омерзительным. Как тяжело, как горько быть человеком!

Цезония. Усни! Усни, оставь все, как есть, не ломай себе голову. Я буду стеречь твой сон. А проснувшись, ты вновь обретешь вкус к жизни и воспользуешься своей властью, чтобы любить тех, кто еще может жить...

Калигула. Но для этого нужен сон, бегство. Это невозможно.

Цезония. Так всегда считают, когда достигают пределов усталости. А со временем снова находят в себе силу...

Калигула. Но ведь надо знать, зачем она! Что

толку с моей силы, на что мне величайшая власть, если я не могу изменить существующий порядок ~~д~~ вещей, если я не способен сделать так, чтобы солнце заходило на востоке, прекратить страдания и спасти людей от смерти? Какая разница, Цезония, спать или бодрствовать, если я все равно не в силах изменить мир?

Цезония. Но это значит равнять себя с богами. Есть ли безумие хуже?

Калигула. Ты тоже думаешь, что я — сумасшедший. При чем здесь боги? То, чего я хочу, выше богов. Я хочу царство, в котором царит невозможное.

Цезония. Нет, Калигула, тебе никогда не сделать небо — землей, прекрасное — уродливым, а человеческое сердце — бесчувственным!

Калигула. /с нарастающим возбуждением/. Я смешаю небо с землей, прекрасное с уродливым, смех со страданием!

Цезония. /поднимается, умоляющим голосом/. Всегда были, есть и будут добро и зло, величие и низость, справедливость и несправедливость! Этого не изменить!

Калигула /та же игра/. А я изменю! Рим получит от меня в подарок равенство. И когда все уравниется со всем, когда невозможное посетит землю, а луна окажется в моих руках, тогда я изменюсь сам и мир вместе со мной — и тогда, наконец, люди перестанут умирать и обретут счастье.

Цезония. /кричит/. Ты не сможешь уничтожить любовь!

К а л и г у л а. /смеется, яростно/. Любовь, Цезония, любовь! /Хватает ее за плечи и трясет./ Я понял: любовь— ничто. Зато другое имеет смысл: государственная казна. С этого все и начинается. О! Наконец-то я начинаю жить! жить, Цезония, жить... а жизнь и любовь— противоположности. Это говорю тебе я, Калигула, и приглашаю тебя на бесконечный праздник, на всеобщий судебный процесс, на огромный спектакль. Мне необходимы люди: жертвы, виновные, зрители. /Он подбегает к гонгу и принимается бить в него двойными ударами./ Введите виновных! Мне нужны виновные! /По-прежнему бьет в гонг./ Введите осужденных на смерть! И публику, мне нужна собственная публика. Судьи, свидетели, подсудимые! Ах, Цезония, я покажу им то, чего они никогда не видели, я покажу им единственного свободного человека в Римской империи.

Под звуки гонга дворец постепенно наполняется шумом, который усиливается и приближается. Голоса, ляг оружия, топот шагов. Калигула смеется и продолжает бить. Появляются и тут же исчезают стражники. Удары гонга.

К а л и г у л а. Цезония! Ты будешь мне повиноваться! И помогать. Поклянись, что будешь мне помогать!

Ц е з о н и я /растерянно, в промежутке между ударами гонга/. Зачем мне клясться, если я люблю тебя?

К а л и г у л а /та же игра/. Ты будешь делать все, что я прикажу!

Цезония /та же игра/. Все, Калигула, все, только
перестань стучать.

Калигула /по-прежнему бьет в гонг/. Будешь жесто-
кой!

Цезония /плача/. Да.

Калигула /та же игра/. Холодной и неумолимой!

Цезония. Да.

Калигула /та же игра/. Будешь страдать!

Цезония. Да, Калигула, да, я схожу с ума.

Входят ошеломленные патриции, с ними двор-
цовые слуги. Калигула ударяет в последний
раз, поднимает колотушку и обращается к
вошедшим.

Калигула. Подойдите сюда! Ближе. Я приказываю
всем подойти! /Топает ногой./ Император велит вам
подойти. /Все подходят, полные ужаса./ Быстрее! А
теперь подойди ты, Цезония.

Он берет ее за руку, подводит к зеркалу
и закрывает отражение колотушкой.

Калигула /смеется/. Видишь, ничего нет, ни лица,
ни воспоминаний, совсем ничего. А знаешь, что оста-
лось? Подойди ближе. Подойдите все. Смотрите!

Он становится перед зеркалом в позе ума-
лишенного.

Цезония /глядя в зеркало, с ужасом/. Калигула!

Калигула указывает пальцем на зеркало и,
устремив на него взгляд, произносит изме-
нившимся торжественным голосом.

Калигула. Калигула.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 1

Патриции столпились вокруг Кассия.

1-й патриций. Он оскр^обляет наше достоинство.
Мерея. Уже три года!

Старый патриций. Смеется надо мной, называет милашкой.

Мерея. Три года!

1-й патриций. Отправляясь в загородную прогулку, заставляет нас бежать за носилками.

2-й патриций. И при этом говорит, что бег укрепляет здоровье.

Мерея. Целых три года!

Старый патриций. Это непростительно!

3-й патриций. Этому нет оправданий!

1-й патриций. Патрикий, у тебя он конфисковал имущество; у тебя Сципион, убил отца; у Октавия отобрал жену и отдал ее в публичный дом; у тебя, Лепид, казнил сына. Довольно терпеть! Лично я сделал выбор. Довольно колебаться между риском опасности и этой невыносимой жизнью в бессилии и страхе.

Сципион. Убив моего отца, он сам сделал выбор за меня.

1-й патриций. А вы? Решаетесь или нет?

3-й патриций. Мы с тобой заодно. Он отдал наши места в цирке плебеям. Что может быть унижительнее?

Старый патриций. Какой подлец!

2-й патриций. Циник!

3-й патриций. Комедиант!

Старый патриций. Импотент!

4-й патриций. Целых три года!

Патриции потрясают оружием. Падает факел, опрокидывается стол. Патриции направляются к двери. Неожиданно входит Кассий.

Сцена 2

Кассий. Куда вы так спешите?

3-й патриций. В императорский дворец.

Кассий. Понятно. А почему вы решили, что вас туда пустят?

1-й патриций. Мы не собираемся спрашивать разрешения.

Кассий. Ого, какие храбрецы! С вашего разрешения, я присяду.

Дверь закрывается. Кассий подходит к опрокинутому столу и садится на край. Патриции возвращаются к нему.

Кассий. Не так все просто, друзья, как вы думаете.

Страх, испытываемый вами, не заменит мужества и хладнокровия. Зря вы спешите.

3-й патриций. Если ты не с нами, лучше уходи, но держи язык за зубами.

Кассий. Пожалуй, я с вами, хотя у меня к этому свои причины.

3-й патриций. Довольно болтовни!

К а с с и й /поднимаясь/. Согласен, довольно. И все же я хочу внести некоторую ясность. Я— с вами, но не за вас. Ваши взгляды чужды мне. Вы не сумели распознать своего настоящего врага и приписываете действиям Калигулы ничтожные мотивы, тогда как они— великие. Следовательно, вы торопите свою смерть. Попробуйте увидеть его таким, какой он есть, тогда вам легче будет с ним бороться.

3-й п а т р и ц и й. Мы видим этого безумца и тирана таким, какой он есть.

К а с с и й. Отнюдь. Нам ли не знать, что такое безумный тиран? А Калигула— далеко не безумен. Он знает, чего хочет— и за это я ненавижу его больше всего.

1-й п а т р и ц и й. Он хочет нашей смерти.

К а с с и й. Ошибаешься, для него она— дело десятое. Он поставил свою власть на службу более возвышенной и губительной страсти, он угрожает тому, что для нас является самым главным. Мы не впервые наделяем человека неограниченной властью, но впервые она направлена на неограниченное отрицание человека и мира. Вот что меня в нем страшит, вот с чем я хочу бороться. Лишиться жизни— пустяк, и если в этом будет необходимость, я лишусь ее, но видеть, как исчезает основа нашего существования, сам смысл жизни— невыносимо! Жизнь должна иметь какой-то смысл.

1-й п а т р и ц и й. Найдем его в мести.

К а с с и й. Я присоединяюсь к мстителям, но не для того, чтобы рассчитаться за ваши крохотные унижения, а для

того, чтобы воспротивиться великой идее, победа которой равносильна концу света. Я могу допустить издевательства над вами, но не допущу, чтобы Калигула полностью реализовал свои замыслы. К несчастью, его философия, которая превращается в трупы, логически безупречна. Но если ее невозможно опровергнуть, остается одно: уничтожить!

3-й п а т р и ц и й. В таком случае, к делу!

К а с с и й. Действуя в лоб, Калигулу вряд ли ^{можно} уничтожить, поскольку сейчас за ним — сила. Для успешной борьбы с тиранией нам придется соединить хитрость с бескорыстной ненавистью. Будем подталкивать его в нужную сторону и ожидать, когда его логика превратится в безумие. Но повторяю еще раз: я — временный попутчик. Я не собираюсь защищать ваши интересы, поскольку хочу лишь одного: вернуть миру покой. Не тщеславие заставляет меня действовать, а вполне естественный страх перед его нечеловеческим восторгом, для которого моя жизнь — ничто.

1-й п а т р и ц и й /приближаясь/. Кажется, я тебя понял. Или почти понял. Главное то, что ты, подобно нам, считаешь основы нашего общества подорванными. Надеюсь, все согласятся, что это вопрос первостепенной важности. Семья разваливается, уважение к работе исчезает, вся страна богохульствует. Добродетель призывает нас на помощь, неужели мы не откликнемся на ее крик? Патриции, разве вы согласны ежедневно бегать за носилками Калигулы?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Слышать, как вас называют
милашкой!

3-й п а т р и ц и й. Отдавать ему своих жен!

2-й п а т р и ц и й. Детей!

М е р е я. Деньги!

5-й п а т р и ц и й. Нет!!

1-й п а т р и ц и й. Кассий, ты превосходно все объяс-
нил. И правильно сделал, что успокоил нас. Действо-
вать рано: народ пока против нас. Будем дожидаться
подходящего момента.

К а с с и й. Отлично! Пусть Калигула продолжает. Мы даже
подтолкнем его на это, организуем и направим его
безумие. И тогда придет день, когда он останется
один на один с империей мертвецов и их живых родст-
венников.

Общий шум. Снаружи доносятся звуки
труб. Молчание. Затем от патриция к
патрицию проносится имя: Калигула.

С ц е н а 3

Входит Калигула в сопровождении Гелико-
на и стражи. Немая сцена. Калигула ос-
танавливается и пристально смотрит на
заговорщиков. Затем молча переходит от
патриция к патрицию: одному поправляет
застежку, перед другим в задумчивости
останавливается; снова смотрит на всех,
закрывает рукой глаза и молча уходит.

С ц е н а 4

Ц е з о н и я /насмешливо указывая на беспорядок/. Вы что,

дрались?

К а с с и й. Да, мы дрались.

Ц е з о н и я /та же игра/. А из-за чего?

К а с с и й. Просто так.

Ц е з о н и я. Неправда.

К а с с и й. Что неправда?

Ц е з о н и я. Вы все не дрались.

К а с с и й. Да, мы не дрались.

Ц е з о н и я /улыбаясь/. Не мешает здесь немного убрать.

Калигула ужасно не любит беспорядка.

Г е л и к о н /старому патриции/. Дело кончится тем, что он потеряет терпение и выйдет из себя.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Помилуй, что мы такого сделали?

Г е л и к о н. Пока ничего. Но кончится все чем-нибудь невыносимым. Представьте себя на м^есте Калигулы.

/Пауза./ Вы, конечно, устраивали заговор?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Неправда! Разве он так думает?

Г е л и к о н. Не думает, а знает. И, по-моему, в глубине души даже хочет этого. Ну ладно, давайте наведем порядок.

Они принимаются за уборку. Входит Калигула и молча наблюдает за происходящим.

С ц е н а 5

К а л и г у л а /старому патрицию/. Привет, милешка!

/Остальным./ Кассий, сегодня я обедаю у тебя. Муций, я позволил себе пригласить твою жену.

Управляющий хлопает в ладоши. Входит раб, но Калигула останавливает его.

К а л и г у л а. Одну минуту! Господа, как вам известно, только сила инерции удерживала до сих пор государственную казну от краха. С сегодняшнего дня одной инерции оказывается недостаточно. Я столкнулся с прискорбной необходимостью произвести сокращение дворцового персонала. В порыве самопожертвования, который вы, надеюсь, оцените, я решил уменьшить число дворцовых слуг, отпустив на волю несколько рабов, а на их место поставив вас. Вам придется накрывать на стол и прислуживать во время обеда.

Патриции нерешительно смотрят друг на друга.

Г е л и к о н. Господа, не вижу радости! А ведь вам предоставляется редкая возможность на деле убедиться, что спускаться по социальной лестнице куда легче, чем подниматься.

Патриции нерешительно переходят с места на место

К а л и г у л а /Цезоний/. Как навазывают ленивых рабов?

Ц е з о н и я. Кажется, кнутом.

Патриции торопливо и неумело принимаются накрывать на стол.

К а л и г у л а. Порасторопнее! И организованнее, не забывайте про организацию. /Геликону/. Ну и работники — как без рук!

Г е л и к о н. Их руки годятся только для аплодисментов в цирке. Придется запастись терпением. Сенатором

можно стать и за один день, а чтобы стать хорошим слугой нужно лет десять.

К а л и г у л а. Боюсь, что из сенатора не сделать слугу и за двадцать.

Г е л и к о н. Кое-что, однако, у них получается. Наверное, призвание. Рабство им- к лицу. /Один из патрициев вытирает пот./ Взгляни, они уже потеют, а это- целый этап...

К а л и г у л а. Ну ладно, довольно! Неплохо для первого раза. К тому же мне приятно быть справедливым. Кстати, о справедливости: поспешим, меня ожидает одна казнь. Ах! Руфию повезло, что я быстро проголодался. /Доверительно/. Руфий- это всадник, которого сегодня казнят. /Пауза./ Почему никто не спрашивает о причине казни?

Общее молчание. Рабы подарт на стол кушанья.

К а л и г у л а /добродушно/. Ну-ну, вы умнеете не по дням, а по часам. /Жует маслину/. Поняли, наконец, что для того, чтобы умереть, не обязательно совершать какие-то особые поступки. Настоящие воины! Я вами доволен. А ты, Геликон?

Он перестает жевать и насмешливо осматривает патрициев.

Г е л и к о н. Вполне. Гвардейцы, да и только. Но если говорить честно, они настолько поумнели, что вряд ли захотят сражаться. Если так пойдет дальше, империя развалиться.

К а л и г у л а. Вот и прекрасно! Наконец-то я отдохну.

/Патрициям./ Ладно, рассаживайтесь, кто где хочет. Обойдемся без церемоний. /Пауза/. Руфию здорово повезло, но не уверен, что он по достоинству оценит отсрочку казни. А ведь минуте, выигранной у смерти, цены нет!

Он ест, остальные тоже. Калигула ведет себя за столом ужасно. Он кидает косточки маслин в тарелки соседей, отрывает остатки мяса на блюдо, ковыряет пальцем в зубах и неистово чешется. Впрочем, все это он делает совершенно непринужденно. Внезапно он прекращает есть и устремляет взгляд на одного из патрициев.

К а л и г у л а /грубо/. Лепид, у тебя плохое настроение.

Не потому ли, что я велел казнить твоего сына?

Л е п и д /подавленно/. Нет, Кай, совсем наоборот.

К а л и г у л а /ухмыляясь/. Наоборот! Ах, как я люблю, когда выражение лица противоречит настроению!

Твое лицо печально. А сердце? Наоборот?

Л е п и д /решительно/. Наоборот, Цезарь.

К а л и г у л а /все радостнее/. Ах, Лепид, нет для меня человека дороже, чем ты. Давай вместе посмеемся.

Расскажи какой-нибудь смешной анекдот.

Л е п и д /он явно переоценил свои силы/. Кай!

К а л и г у л а. Ладно, ладно, я сам расскажу. А ты посмеешься. Хорошо? /Подмигивает/. Не бойся, не о твоём младшем сыне. /Новый взрыв смеха./ Впрочем, у меня и так хорошее настроение. /Он пьёт и подсказывает./ На...на-о... Ну же, Лепид!

Л е п и д /устало./ Наоборот, Кай.

К а л и г у л а. Правильно! /Пьет./ Теперь слушай. /Задумчиво./ Жил-был один бедный император, которого никто не любил. А он сам любил Лепида и, чтобы избавиться от своей любви, велел казнить его сына. /Меняя тон./ Конечно, это все неправда. /Пауза./ Смешно? Почему ты не смеешься? Почему никто не смеется? /С гневом./ Хочу, чтобы все смеялись! ты, Лепид, и все остальные. Встаньте и смейтесь! /Стучит кулаком по столу./ Слышите, я хочу, чтобы вы смеялись!

Патриции поднимаются. В течение этой сцены все, кроме Калигулы и Цезонии, напоминают марионеток.

К а л и г у л а /откидывается на своем ложе и заразительно смеется./ Цезония, ты только взгляни на них! Ну можно ли дальше? Достоинство, степенность, как там еще, мудрость нации— все исчезло от страха. Да, Цезония, страх— прекраснейшее чувство, редкое, чистое, бескорыстное, благородное. /Закрывает лицо рукой и пьет. Дружелюбно./ Поговорим о чем-нибудь другом. Кассий, почему ты сегодня такой молчаливый?

К а с с и й. Кай, я готов говорить все, что прикажешь.

К а л и г у л а. В таком случае, помолчи. Мне хочется выслушать нашего друга Муция.

Му ц и й /неохотно./ Как тебе угодно, Кай.

К а л и г у л а. Ну что же... Расскажи нам о своей жене. Но прежде пусть она сядет рядом со мной. /Жена Муция подходит к Калигуле и садится./ Слушаем тебя, Муций!

Муций /растерянно./ Я... я люблю свою жену.

Все смеются:

Калигула. Конечно, мой друг, конечно. Но это слишком заурядно. /Он рассеянно целует жену Муция в левое плечо. Все более и более непринужденно./ Когда я вошел, вы, кажется, устраивали заговор?

Старый патриций. Кай, неужели ты думаешь...

Калигула. Ах, милашка, хорошо, что и старость проходит. /Патрициям./ Но ведь вы не способны на мужественные поступки. Кстати, я вспомнил, что надо уладить одно государственное дело. Но прежде уступим тем настоятельным желаниям, которые диктует нам природа.

Он поднимается и уводит жену Муция в соседнюю комнату.

Сцена 6

Муций пытается встать.

Цезония /любезно./ Муций, налей мне, пожалуйста, этого прелестного вина!

Муций, молча и послушно, наливает ей вино. Минута замешательства. Дальнейший диалог несколько наигран.

Цезония. Кассий, не расскажешь ли теперь, из-за чего вы подрались?

Кассий /холодно./ Все произошло, уважаемая Цезония, по причине нашего спора: может ли поэзия быть жестокой?

Цезония. Как интересно! Впрочем, моим женским умом

этого не понять. Но я в восторге от того, что любовь к искусству способна довести до драки.

К а с с и й /та же игра./ Разумеется. Сам Калигула говорил мне как-то, что всякой глубокой страсти сопутствует жестокость.

Г е л и к о н. А любви-насилие.

Ц е з о н и я /жует/. В этом суждении что-то есть. Как вы считаете?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Калигула-первоклассный психолог.

1-й п а т р и ц и й. Сказано воистину с красноречием мужества.

2-й п а т р и ц и й. Зря он не записывает свои мысли-им цены нет!

К а с с и й. К тому же, это его развлекает.

Ц е з о н и я /по-прежнему жует/. Если желаете знать, в настоящее время он пишет большой трактат.

С ц е н а 7

Входят Калигула и жена Муция.

К а л и г у л а. Муций, возвращаю тебе жену. Прошу прощения, я должен дать несколько указаний.

Быстро уходит. Муций, побледнев, встает с места.

С ц е н а 8

Ц е з о н и я /стоящему Муцию/. Муций, я не сомневаюсь, что этот трактат не уступит самым известным сочинениям.

Муций /по-прежнему смотрит на дверь, в которую вышел Калигула/. А о чем он?

Цезония. /рассеянно/. О, это не для моего ума!

Кассий. Можно предположить, что речь в нем идет о губительной силе поэзии.

Цезония. Кажется, так и есть.

Старый патриций /игриво/. Ну что же, как сказал Кассий, это его развлечет.

Цезония. Ты прав, милашка. Но вас наверняка обеспокоит название трактата.

Кассий. А как он называется?

Цезония. "Меч".

Сцена 9

Быстро входит Калигула.

Калигула. Прошу прощения, господа, спешные государственные дела. Управляющий, я только что подписал декрет о закрытии городских хлебных складов. Он лежит в соседней комнате.

Управляющий. Но...

Калигула. С завтрашнего дня в Риме наступит голод. Всем известно, что голод — стихийное бедствие. Завтра начнется стихийное бедствие... и я прекращу его, когда найду нужным. /Обращается к остальным/. Не правда ли, отменный способ доказать свою свободу. Чтобы стать свободным, надо от чего-то зависеть. Прискорбный факт, но это так. /Подмигивая Муцию/. Прими мою мысль к своей ревности и убедись, что она

верна. /Задумчиво/. Как некрасиво быть ревнивым! Стоит ли страдать из-за собственного тщеславия и силы воображения? Взгляни на жену...

Муций сжимает кулаки и открывает рот.

К а л и г у л а /быстро/. Ешьте, господа, ешьте! Вам, наверное, известно, что мы с Геликоном в поте лица трудимся над небольшим трактатом о казни, в котором кое-что может показаться новым...

Г е л и к о н. Если, конечно, о вашем мнении захотят ~~узнать~~ узнать.

К а л и г у л а. Геликон, будем великодушными, откроем наши секреты! Слушайте! Глава третья, параграф первый...

Г е л и к о н /поднимается и монотонно читает наизусть/.
"Казнь— помощник и освободитель человека. Казнь— универсальное оздоровительное средство, назначение и применение которого всегда оправданы. Если человек казнен, значит он виновен. Всякий виновный— подданный Калигулы. Но подданными Калигулы являются все. Следовательно, все виновны, откуда вытекает, что все будут казнены. Стоит лишь запастись временем и терпением."

К а л и г у л а /смеется/. Что скажете? Запастись терпением— разве не находка? Должен признаться, что больше всего в вас меня восхищает именно терпение. Можете быть свободны, господа! Вы Кассию больше не нужны. А ты, Цезония, останься. Лепид и Октавий тоже. И ты, Мерей. Я хочу обсудить с вами вопросы, связан-

ные с положением моего публичного дома. Они меня крайне волнуют.

Патриции медленно уходят. Калигула провожает Муция взглядом.

С ц е н а 10

К а с с и й. Мы слушаем тебя, Кай. Что там не ладится? Неопытный персонал?

К а л и г у л а. Нет, но доходы мизерные.

М е р е я. Нужно повысить входную плату.

К а л и г у л а. Мерeya, ты упустил чудесную возможность промолчать. В твои годы, все, что относится к людским страстям, не должно волновать.

М е р е я. Тогда зачем ты меня оставил?

К а л и г у л а. Мне понадобится мнение беспристрастного человека.

Мерeya отходит в сторону.

К а с с и й. Кай, говоря пристрастно, я не стал бы советовать увеличивать входную плату.

К а л и г у л а. Естественно. И тем не менее доходы должны возрасти. У меня есть один план, которым я поделился с Цезонией и которая, в свою очередь, ознакомит с ним вас. Я выпил лишнего и меня клонит ко сну.

Он потягивается и закрывает глаза.

Ц е з о н и я. Все крайне просто. Калигула учреждает новую медаль.

К а с с и й. Не вижу никакой связи.

Ц е з о н и я. Сейчас увидишь. Медалью "За гражданскую

доблесть" награждаются те, кто чаще других посещает публичный дом Калигулы.

К а с с и й. Блестящая мысль.

Ц е з о н и я. По-моему, тоже. Да, чуть не забыла: медаль вручается ежемесячно на основании подсчета входных билетов; не получившие медали в течение года подвергаются ссылке или смертной казни.

З-й п а т р и ц и й. Почему "или"?

Ц е з о н и я. Потому что Калигула не видит здесь разницы. Он сам будет выбирать.

К а с с и й. Bravo! С сегодняшнего дня государственная казна начнет быстро пополняться!

Г е л и к о н. И обратите внимание, на самой высоконравственной основе. Лучше обложить налогом порок, чем брать выкуп за добродетель.

Калигула приоткрывает глаза и смотрит на старого Мерек, который достает небольшой пузырек и отпивает из него.

~~Мерек~~

К а л и г у л а. Мерек, что ты пьешь?

М е р е я. Лекарство от астмы, Кай.

К а л и г у л а /расталкивая остальных, подходит к нему и нюхает пузырек/. Нет, это противоядие!

М е р е я. Что ты, Кай, что ты! Ты шутишь. Я задыхаюсь по ночам и давно принимаю это лекарство.

К а л и г у л а. Ты боишься, что тебя отравят?

М е р е я. Я лечусь от астмы.

К а л и г у л а. Нет! Давай называть вещи своими именами:

ты боишься, что я тебя отравлю. Ты подозреваешь меня и шпионишь за мной.

М е р е я. Нет, нет, клянусь всеми богами!

К а л и г у л а. Ты не доверяешь мне.

М е р е я. Нет, что ты!

К а л и г у л а /строго/. Отвечай! Ты принимаешь противо-
ядие, следовательно считаешь, что я хочу отравить те-
бя. Правильно?

М е р е я. Да... то есть, нет...

К а л и г у л а. Узнав, что я собираюсь отравить тебя, ты
изо всех сил противодействуешь моему намерению. Так
или нет?

Молчание. В начале этого эпизода Цезония
и Кассий отходят в глубину сцены. Испуган-
ный Лепид прислушивается к диалогу.

К а л и г у л а /отчетливо/. Имеется лишь две возможнос-
ти, и каждая из них— преступление. Или я не собира-
юсь тебя убивать, и ты несправедливо подозреваешь
своего императора; или я хочу тебя убить, а ты, мер-
зкая вошь, пытаешься воспротивиться моим намерениям.
/Пауза/. /Калигула с довольным видом смотрит на Ме-
рею/. Что скажешь о логике моих рассуждений?

М е р е я. Они...они вполне логичны... Но, Кай, в данном
случае они не подходят.

К а л и г у л а. Вот и третье твое преступление: ты принима-
ешь меня за сумасшедшего! Слушай внимательно. Из
всех трех преступлений только одно, а именно второе,
делает тебе честь, поскольку решение противодейство-
вать превращает тебя в бунтовщика— и это прекрасно.

/Грустно/. Мерея, я очень люблю тебя, и потому выношу приговор только за второе преступление. Ты умрешь, как настоящий мужчина, осужденный за участие в бунте.

Пока Калигула говорит это, Мерея мало-помалу сползает на пол.

К а л и г у л а. Не надо благодарностей. Держи! /Он протягивает ему флакон и любезно произносит/. Выпей этот яд.

Мерея, содрогаясь от рыданий, отрицательно качает головой.

К а л и г у л а /нетерпеливо/. Пей! Пей!

Мерея пытается бежать, но Калигула одним прыжком настигает его и опрокидывает на скамью. После непродолжительной борьбы Калигула засовывает ему в рот флакон и разбивает ударом кулака. По телу Мереи пробегает судорога. Он ~~уже~~ умирает. Калигула поднимается и машинально вытирает руки. Протягивает Цезонии осколок пузырька Мереи.

К а л и г у л а. Что это? Противоядие?

Ц е з о н и я /спокойно/. Нет, Калигула, это лекарство от астмы.

К а л и г у л а /молча смотрит на Мерею/. Все равно. Чуть раньше, чуть позже...

Внезапно с озабоченным видом уходит, по-прежнему вытирая руки.

С ц е н а 11

Л е п и д /садится/. Что делать?

Ц е з о н и я /просто/. Прежде всего— вынести труп.

Кассий и Лепид уносят тело за кулисы.

Л е п и д /Кассию/. Быстрее!

К а с с и й. Ну и тяжелый!

Входит Сципион. Заметив Цезонию, он пытается уйти.

С ц е н а 12

Ц е з о н и я. Иди сюда.

С ц и п и о н. Зачем?

Ц е з о н и я. Подойди. /Берет его за подбородок и смотрит в глаза. Пауза. Холодно/. Он убил твоего отца?

С ц и п и о н. Да.

Ц е з о н и я. И ты его ненавидишь?

С ц и п и о н. Да.

Ц е з о н и я. И хочешь убить?

С ц и п и о н. Да.

Ц е з о н и я /отпуская его/. А почему говоришь об этом мне?

С ц и п и о н. Потому что ничего не боюсь. Убить его или погибнуть— два способа положить всему конец. К тому же ты меня не выдашь.

Ц е з о н и я. Ты прав. Но я хочу кое-что тебе сказать. Даже не тебе, а тому лучшему, что в тебе есть.

С ц и п и о н. Лучшее во мне— ненависть.

Цезония. Так слушай. Это и сложно и очевидно, но если бы каждый прислушался к моим словам, многое бы в мире изменилось.

Сципион. Слушаю тебя.

Цезония. Подожди, сперва вспомни искаженное болью лицо своего отца, которому вырвали язык. Вспомни его вопли и окровавленный рот.

Сципион. Я этого никогда не забываю.

Цезония. А теперь вспомни Калигулу.

Сципион /с ненавистью/. Вспомнил.

Цезония. Так вот: попробуй его понять.

Она уходит, оставляя Сципиона в растерянности. Входит Геликон.

Сцена 13

Геликон. Калигула возвращается. Есть хочешь, поэт?

Сципион. Геликон! Помоги мне.

Геликон. Это опасно, дыпленок. К тому же я ничего не смыслю в поэзии.

Сципион. Помоги. Ты многое знаешь.

Геликон. Я знаю только то, что дни проходят. И еще знаю, что ты можешь убить Калигулу, и он будет счастлив этому.

Входит Калигула. Геликон уходит.

Сцена 14

Калигула. А, это ты! /Он останавливается и, по-видимому, раздумывает, как себя вести/. Давно тебя не видел. /Медленно подходит к Сципиону/. Чем занимаешь-

ся? Все пишешь? Не дашь ли прочесть твою последнюю пьесу?

С ц и п и о н /тоже неуверенно/. Цезарь, я пишу стихи, а не пьесы.

К а л и г у л а. О чем?

С ц и п и о н. Трудно сказать. О природе.

К а л и г у л а /непринужденно/. Прекрасная тема. И неисчерпаемая. А что дает тебе природа?

С ц и п и о н /овладев собой, иронически и зло/. Утешает, что я— не император.

К а л и г у л а. Вот как? А в том, что я— император, она может меня утешить?

С ц и п и о н /та же игра/. Клянусь, поэзия врачевала раны и потяжелее.

К а л и г у л а /неожиданно просто/. Рана! Какое злое слово! Не потому ли, что я убил твоего отца? Рана! Какое точное слово! /Меняет тон./ Только ненависть способна рождать умных людей.

С ц и п и о н /напряженно/. Я всего лишь ответил на твой вопрос.

Калигула садится, смотрит на Сципиона, затем неожиданно хватает его за руки и с силой прижимает к себе. Пауза.

К а л и г у л а. Прочти что-нибудь.

Сципион. Нет, Цезарь, не могу.

К а л и г у л а. Почему?

С ц и п и о н. Я ничего не взял с собой.

К а л и г у л а. А наизусть не помнишь?

С ц и п и о н. Нет.

К а л и г у л а. В таком случае, перескажи.

С ц и п и о н /по-прежнему напряженно, нехотя/. В стихотворении говорится...

К а л и г у л а. Ну?

С ц и п и о н. Нет, не помню...

К а л и г у л а. Вспомни.

С ц и п и о н. Там говорится о согласии земли...

К а л и г у л а /прерывая его, сосредоточенным голосом/.
...о согласии земли и стебля...

С ц и п и о н /удивленный, нерешительно/. Да, примерно так.

К а л и г у л а. Продолжай.

С ц и п и о н. ...о гармонии римских холмов, о неожиданном умиротворении, которое приносит вечер...

К а л и г у л а. ...о щебете ласточек в зеленоватом небе.

С ц и п и о н /более непринужденно/. Да.

К а л и г у л а. А дальше?

С ц и п и о н. О той неуловимой минуте, когда золотеющее небо внезапно открывает свое лицо, осыпанное сияющими звездами...

К а л и г у л а. О запахе дыма, воды и деревьев, струящемся с земли в темноту.

С ц и п и о н /совсем непринужденно/. Треск цикад, лай собак, стук последних повозок, голоса крестьян...

К а л и г у л а. ...дорога, утонувшая в тени кипарисов и олив.

С ц и п и о н. Да, именно так. Но откуда тебе известно?

К а л и г у л а /прижимая Сципиона к себе/. Не знаю.
Наверное, мы любим одно и то же.

С ц и п и о н /дрожа, прячет лицо на груди Калигулы/.
Ах, не все ли равно, если ты увидал во мне лицо
любви?

К а л и г у л а /по-прежнему обнимая его/. Сципион, это
добродетель возвышенных душ. О, если бы мне вернуть
твою чистоту! Но я слишком хорошо знаю свою страсть
к жизни— она не довольствуется природой. Тебе этого
не понять, ты— из другого мира. Ты— чист в добре,
как я— чист во зле.

С ц и п и о н. Я понимаю...

К а л и г у л а. Нет. Есть во мне что-то такое... Глухое
озеро, гнилые деревья... /Неожиданно меняя тон/.
Твое стихотворение великолепно. Но если хочешь знать
мое мнение...

С ц и п и о н /та же игра/. Да.

К а л и г у л а. В нем явно не хватает крови.

Сципион отшатывается и с ужасом смотрит
на Калигулу. Потом, пятясь назад, говорит
глухим голосом.

С ц и п и о н. Чудовище! Мерзкое чудовище! Значит, ты
притворялся? Играл? Ну и как, доволен собой?

К а л и г у л а /с грустью/. Ты прав. Я играл.

С ц и п и о н /та же игра/. Какое у тебя кровожадное
сердце! сколько зла и ненависти мучают тебя!

К а л и г у л а /мягко/. Замолчи.

С ц и п и о н. Как мне тебя жаль и как я тебя ненавижу!

К а л и г у л а /сердито/. Замолчи!

С ц и п и о н. Боже, в какое грязное одиночество ты себя загнал!

К а л и г у л а /разражается смехом, затем бросается к Сципиону, хватая его за шиворот и сильно трясет/.

Одиночество! Что ты знаешь об одиночестве? И о каком одиночестве? Поэтов и ~~хитрых~~ импотентов? А тебе известно, что одним никогда не бываешь? Что всегда и повсюду тебя преследует тяжесть прошлого и будущего? Что с тобой остаются мертвые— и это еще самое легкое! Те, которых любил и которые любили тебя... твои раскаяния, желания, горечь и нежность, боги, гетеры... /Он отпускает Сципиона и возвращается на место/. Ах! Если бы вместо этого одиночества, отравленного присутствием других, я мог испытать подлинное одиночество... Молчание, трепет дерева... /Садится. С неожиданной усталостью/. Одиночество! Нет, Сципион; оно наполнено скрежетом зубов, оно отзывается головами ушедших. А рядом с женщиной, которую я люблю, когда над нами опускается ночь, мое одиночество наполняется резким запахом одиночества...

У Калигулы изнуренный вид. Продолжительное молчание. Сципион нерешительно подходит к Калигуле сзади и кладет ему руку на плечо. Калигула, не оборачиваясь, накрывает ее ладонями.

С ц и п и о н. У каждого есть в жизни своя слабость. Она помогает жить. К ней обращаются, когда чувствуют себя совсем обессиленными.

К а л и г у л а. Это так, Сципион.

С ц и п и о н. Разве у тебя нет ничего, подобно приступу
слез или убежищу молчания?

К а л и г у л а. Есть.

С ц и п и о н. Что же?

К а л и г у л а /медленно/. Презрение.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена 1

Перед поднятием занавеса слышен звук цимбал и барабана. Занавес поднимается. На сцене готовится нечто вроде ярмарочного представления. В центре — занавес; перед ним, на небольшом помосте Геликон и Цезония. С обеих сторон их окружают музыканты. На ложах, спиной к зрительному залу — несколько патрициев и Сципион.

Г е л и к о н /тоном зазывалы/. Заходите! Заходите!

/ Цимбалы/. Боги вярвь спустились на землю! Божественный император Кай, по прозвищу Калигула, уступил им свой человеческий облик. Смертные, на ваших глазах свершится великое таинство! По величайшей милости богов в благословенное правление Калигулы всем и каждому будут открыты священные тайны!

Цимбалы.

Ц е з о н и я. Заходите, господа! Преклоните ~~яки~~ колени и внесите плату. Божественная мистерия доступна каждому владельцу кошелька!

Цимбалы.

Г е л и к о н. Олимп как он есть! Вся правда о богах! Заходите! Заходите!

Цимбалы.

Ц е з о н и я. Преклоните колени и внесите плату. Заходите господа! Представление начинается!

Цимбалы. Рабы вносят на помост различные предметы.

Г е л и к о н. Потрясающее, беспрецедентное представление!
Величественные декорации, сенсационная увлекатель-
ность, гром /Рабы катят бочку с камнями/, молния
/Рабы зажигают бенгальские огни./, сама судьба в ~~виде~~
своем триумфальном шествии! Заходите, начинаем!

Он срывает занавес. На пьедестале стоит Калигула
в образе гротескной Венеры.

К а л и г у л а /любезно/. Сегодня я- Венера!

Ц е з о н и я. Поклонение начинается! Все падайте ниц,
/Все, кроме Сципиона, падают ниц/, и повторяйте за
мною священную молитву Калигуле-Венере! "О, богиня,
скорбящая и танцующая..."

П а т р и ц и и. О Богиня, скорбящая и танцующая...

Ц е з о н и я. "Рожденная из морских волн, соли, пены, бо-
гиня липкая и грязная..."

П а т р и ц и и. ...богиня липкая и грязная...

Ц е з о н и я. "... подобная смеху и раскаянию, злобе и
вдохновению..."

П а т р и ц и и. ...злобе и вдохновению...

Ц е з о н и я. "О богиня, научи нас безразличию, возрож-
дающему любовь..."

П а т р и ц и и. ...научи нас безразличию, возрождающему
любовь...

Ц е з о н и я. "Открой истину мира, которой он лишен..."

П а т р и ц и и. ...истину мира, которой он лишен...

Ц е з о н и я. "И дай сил вынести эту истину."

П а т р и ц и и. И дай сил вынести эту истину...

Цезония. Перерыв!

Патриции. Перерыв!

Цезония /после паузы/. "О Богиня, осыпь нас своими дарами, пролей на лица свою бесстрашную жестокость и справедливую ненависть, протяни нам ладони, полные цветов и трупов..."

Цезония. "Прими нас, заблудших детей своих, в лоно безразличной и печальной любви. Дай нам свои бесполезные страсти, бездумные горести и бесцельные радости..."

Патриции. "...свои бесполезные страсти, бездумные горести и бесцельные радости..."

Цезония. "О богиня, горячая и опустошенная, земная и бесчеловечная, опьяни нас вином равенства и навеки прими в свою черную и нечистую душу!"

Патриции. "...и навеки прими в свою черную и ~~нечистую~~ нечистую душу!

После того, как патриции произносят последние слова, Калигула, до сих пор стоявший неподвижно, громко фыркает.

Калигула /оглушительным голосом/. Дети мои, ваши слова услышаны!

Калигула садится на пьедестал. Патриции, один за другим, подходят к нему, падают ниц, бросают монету и отходят направо. Последний в замешательстве забывает бросить монету.

Калигула /вскакивает/. Эй! Эй, малыш, вернись! Хорошо поклоняться богам, но еще лучше — обогащать их. Вот так! Благодарю. Не имей боги иных богатств, кро-

ме любви смертных, они были бы такими же бедными, как Калигула. А теперь, господа, идите и расскажите всем об удивительном таинстве, в котором вам посчастливилось участвовать. Вы собственными глазами видели Венеру, и она говорила с вами. Идите! /Патриции направляются к двери/. Налево, налево! ~~Иди~~ За правой дверью стоит стража, готовая вас казнить.

Патриции поспешно и в некотором беспорядке уходят. Рабы и музыканты исчезают.

С ц е н а 2

Геликон грозит пальцем Сципиону.

Г е л и к о н. Анархист!

С ц и п и о н /Калигуле/. Кай, ты богохульствуешь!

Г е л и к о н. Что ты хочешь этим сказать?

С ц и п и о н. Залив кровью землю, ты задумал теперь осквернить небо.

Г е л и к о н. Молодой человек любит громкие слова.

Он ложится на ложе.

Ц е з о н и я /спокойно/. Не слишком ли ты смел, малыш?

В наши дни в Риме ~~уже~~ умирают за гораздо меньшее красноречие.

С ц и п и о н. Я решил сказать Каю всю правду.

Ц е з о н и я. Калигула, этого человека нам давно не хватало!

К а л и г у л а /с интересом/. Сципион, неужели ты веришь в богов?

С ц и п и о н. Нет.

К а л и г у л а. В таком случае, почему так обрушился на мое богохульство?

С ц и п и о н. Я не верю, но это еще не значит, что веру необходимо чернить и лишать ее других.

К а л и г у л а. Боже, какая скромность! Милый Сципион, ты невероятно меня обрадовал. Знаешь, я тебе завидую: скромность— единственная добродетель, которой я, кажется, лишен.

С ц и п и о н. Ты завидуешь не мне, а самим богам!

К а л и г у л а. Пусть это останется величайшей тайной моего правления. Единственное, в чем могут меня обвинить, это в слишком незначительном продвижении по пути могущества и свободы. На человека, любящего господствовать, соперничество богов действует раздражающе. Я упразднил это соперничество. Я доказал вашим мнимым богам, что человек, стоит ему пожелать, и сам способен творить их смехотворное дело.

С ц и п и о н. Кай, это богохульство.

К а л и г у л а. Нет, Сципион, пронизательность. Я просто понял, что существует лишь один способ сравняться с богами: стать таким же жестоким, как они.

С ц и п и о н. То есть— тираном!

К а л и г у л а. Что значит "тиран"?

С ц и п и о н. Ослепшая душа.

К а л и г у л а. Неверно! Тиран— это человек, жертвующий людьми во имя своих идей или честолюбия. У меня нет ни идей, ни честолюбия. Если я пользуюсь иногда властью, то всегда в качестве средства.

С ц и п и о н. Средства для чего?

К а л и г у л а. Для преодоления глупости и злости богов.
С ц и п и о н. Злостью злость не победишь, власть тебе
не поможет. Я знаю лишь один способ преодоления
вражды в мире.

К а л и г у л а. Какой?

С ц и п и о н. Бедность.

К а л и г у л а /занимаясь педикюром/. Надо будет и мне
попробовать.

С ц и п и о н. Пока ты собираешься, вокруг тебя гибнут
десятки людей.

К а л и г у л а. Но, Сципион, разве это много? Ты знаешь,
сколько войн я мог начать, но не начал?

С ц и п и о н. Сколько?

К а л и г у л а. Целых три. А знаешь, почему не начал?

С ц и п и о н. Потому что тебе плевать на величие Рима.

К а л и г у л а. Потому что я ценю человеческую жизнь.

С ц и п и о н. Кай, ты смеешься!

К а л и г у л а. Или, иначе говоря, ценю ее больше, чем
идеал завоевания. Но верно и то, что любую человечес-
кую жизнь я ценю не больше своей собственной. И если
с легкостью убиваю, то лишь потому, что сам не боюсь
умереть. Как видишь, я вовсе не тиран.

С ц и п и о н. Не все ли равно, если это обходится в ту
же цену!

К а л и г у л а /с нетерпением/. Посчитай и убедисься,
что самая ничтожная война, выигранная тираном, обхо-
дится в тысячу раз дороже прихотей моей фантазии.

С ц и п и о н. Но война хотя бы понятна!

К а л и г у л а. Зато судьбу понять невозможно, и потому

я стал судьбой. Я принял безумный и непостижимый облик богов.

С ц и п и о н. Это и есть богохульство.

К а л и г у л а. Нет, Сципион, драматургия! Ошибка людей в том, что они не доверяют театру. В противном случае, они бы давно поняли, что каждому дозволено разыгрывать божественную трагедию и становиться богом.

Для этого достаточно ожесточить свою душу.

С ц и п и о н. Возможно, ты прав. Но если это так, в один прекрасный день вокруг тебя поднимутся легионы безжалостных людей-богов и потопят в крови твою божественность.

Ц е з о н и я. Сципион!

К а л и г у л а /ровно и сурово/. Оставь, Цезония. Сципион, ты мог бы сказать лучше: я творю этот день. Мне трудно представить его точно, но иногда я о нем мечтаю. И тогда в лицах, надвигающихся на меня из глубины горестной ночи и искаженных страхом и ненавистью, я с восторгом узнаю того единственного бога, которому поклоняюсь: бога несчастного и беспомощного, как человеческая душа. /Возбужденно/. А теперь уходи! Ты слишком разговорился. /Меняя тон/. Мне нужно покрасить ногти. Я тороплюсь.

Все, кроме Геликона, уходят. Калигула занят педикюром. Геликон ходит вокруг него.

С ц е н а 3

К а л и г у л а. Геликон!

Г е л и к о н. Слушаю.

К а л и г у л а. Как моя просьба?

Г е л и к о н. Какая?

К а л и г у л а. Ну...о луне.

Г е л и к о н. Пока безрезультатно. Придется потерпеть.

Кай, я хочу кое-что тебе сообщить.

К а л и г у л а. Терпения у меня— хоть отбавляй, а вот времени осталось мало. Поспеши, Геликон.

Г е л и к о н. Насколько это в моих силах. Кай, я хочу сообщить тебе одну важную вещь.

К а л и г у л а /словно не слыша/. И не забывай, что она уже была моей.

Г е л и к о н. Кто?

К а л и г у л а. Луна.

Г е л и к о н. Да, да, конечно. Тебе известно, что против тебя готовится заговор?

К а л и г у л а. Она была моей. Всего два или три раза, но все равно была.

Г е л и к о н. Я давно пытаюсь тебе сказать...

К а л и г у л а. Это случилось прошлым летом. Я глядел на нее, ласкал на колоннах сада, и она поняла, чего я хочу.

Г е л и к о н. Кай, брось эту игру! Даже если ты не хочешь меня выслушать, долг заставляет меня говорить. А не будешь слушать— тем хуже.

К а л и г у л а /продолжая заниматься педикирем/. Какой мерзкий лак! Но вернемся к луне, к той прекрасной августовской ночи. /Геликон с досадой отворачивается/. Я уже лег. Сначала она, багрово-кровавая, по-

явилась над самым горизонтом. Потом стала подниматься, и чем выше поднималась, тем больше светлела. Наконец, она стала подобной молочному озеру, разлитому среди полного звезд неба. И вдруг она вошла... теплая, нежная, легкая, нагая... Она миновала порог, пересекла комнату, скользнула на кровать и затопила меня своим сиянием и улыбкой. /меняя тон/. Лак явно никуда не годится. Как видишь, Геликон, я без всякого хваставства могу сказать, что она была моей.

Г е л и к о н. Ты хочешь меня выслушать и узнать, кто тебе угрожает?

К а л и г у л а /прерывает свое занятие и пристально смотрит на Геликона/. Геликон, я хочу одного: луну. Мне давно известно, что меня убьют. Но я еще не израсходовал до конца того, что заставляет меня жить. И потому я хочу луну. Не возвращайся сюда до тех пор, пока не найдешь ее.

Г е л и к о н. В таком случае я исполню свой долг. Против тебя готовится заговор, который возглавляет Кассий. Мне удалось перехватить очень важное письмо, из него ты все узнаешь. Вот оно.

Геликон кладет на ложе восковую табличку и направляется к двери.

К а л и г у л а. Ты куда, Геликон?

Г е л и к о н /с порога/. Искать тебе луну!

С ц е н а 4

Стук в противоположную дверь. Калигула резко поворачивается и замечает старого патриция.

ция.

С т а р ы й п а т р и ц и й /нерешительно/. Можно войти?
ти?

К а л и г у л а /нетерпеливо/. Ну что ж, входи. /Смотрит
на него/. Милашка вернулась, чтобы еще раз взгля-
нуть на Венеру?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Нет, совсем для другого.
То есть...Кай, прости меня...я хотел сказать...ты
знаешь, как я тебя люблю... и ни о чем другом не
прошу...только одно...дожить свои дни в покое...

К а л и г у л а. Короче†

С т а р ы й п а т р и ц и й. В общем... /Очень быстро/.
Это крайне важно.

К а л и г у л а. Нет.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Но почему?

К а л и г у л а. А что ты имеешь в виду?

С т а р ы й п а т р и ц и й /оглядываясь по сторонам/.
Как бы это сказать... /Он медлит и вдруг заканчива-
ет/. Против тебя готовится заговор.

К а л и г у л а. Ну вот, ничего важного, как я и думал.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Кай, тебя хотят убить.

К а л и г у л а /подходит к старому патрицию и берет его
за плечи/. Знаешь, почему я тебе не верю?

С т а р ы й п а т р и ц и й /делая клятвенный жест/. Кай,
клянусь всеми богами...

К а л и г у л а / подталкивая старого патриция к двери,
тихо/. Не надо клясться, не надо. Выслушай лучше ме-
ня. Если ты говоришь правду, выходит, что ты преда-

ешь своих друзей, так ведь?

С т а р ы й п а т р и ц и й /несколько растерянно/. Кай,
моя любовь к тебе...

К а л и г у л а /прежним тоном/. А я не могу этого допус-
тить. Я до такой степени ненавижу подлость, что не
способен оставить предателя в живых. Но мне прекрас-
но известно, что такой человек, как ты, не захотел
бы ни предавать, ни умирать.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Конечно, Кай, конечно!

К а л и г у л а. Таким образом, у меня есть причины не
верить тебе. Ты ведь— не подлец?

С т а р ы й п а т р и ц и й. О, нет!

К а л и г у л а. И не предатель?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Кай, об этом не может быть
и речи.

К а л и г у л а. Следовательно, никакого заговора нет.

Признайся, что это была шутка.

С т а р ы й п а т р и ц и й /сбитый с толку/. Шутка, все-
го лишь шутка...

К а л и г у л а. Никто не собирается меня убивать, понят-
но?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Никто, абсолютно никто.

К а л и г у л а /громко вздыхая, медленно/. В таком слу-
чае, радость моя, исчезни! Благородный человек— та-
кая редкость в нашем мире, что я не в состоянии со-
зерцать его слишком долго. Я хочу побыть один и на-
сладиться этой великой минутой..

Старый патриций торопливо удаляется.

С ц е н а 5

Калигула бросает взгляд на табличку, берет ее и читает. Потом громко вздыхает и зовет стражника.

К а л и г у л а. Приведи Кассия! /Стражник уходит/. Поймай! /Стражник останавливается/. Не забудь оказать ему должные почести.

Стражник уходит. Калигула некоторое время бродит по комнате взад и вперед. Затем направляется к зеркалу.

К а л и г у л а. Идиот! Ты решил быть логичным. Остается выяснить, куда это тебя заведет. /С иронией/. Тебе принесут луну и все сразу изменится, а невозможное станет возможным. Но почему бы и нет? Кто знает? /Оглядывается по сторонам/. Как странно, людей вокруг становится все меньше и меньше. /Зеркалу, глухим голосом/. Слишком много мертвых, слишком много, это меня опустошило! Даже если луна будет моей, вряд ли я стану прежним. Даже если все мертвецы оживут, мои преступления не скроются бесследно. /Яростно/. Логика, Калигула, логика! Не отступай от логики. Власть до конца и до конца одиночество. Назад уже не вернуться, надо идти до конца.

Входит Кассий.

С ц е н а 6

Калигула, ссутулившись, сидит на ложе. У него усталый вид.

К а с с и й. Ты звал меня, Кай?

К а л и г у л а /тихо/. Да, Кассий. Стражник, факел сюда!

Молчание.

К а с с и й. Ты хочешь мне что-то сказать?

К а л и г у л а. Нет, Кассий.

Молчание.

К а с с и й /несколько раздраженно/. Кай, ты уверен, что мое присутствие необходимо?

К а л и г у л а. Да, Кассий, совершенно уверен.

Снова молчание.

К а л и г у л а /неожиданно заискивающе/. Прости, Кассий, я отвлекся и плохо тебя встретил. Садись, побеседуем запросто. Мне хочется поговорить с умным человеком.

Кассий садится.

К а л и г у л а /очень естественно и просто/. Кассий, как ты считаешь: могут ли два благородных человека— хотя бы раз в жизни— поговорить друг с другом начистоту, отбросив прочь все предрассудки, личную выгоду и ложь?

К а с с и й. Думаю, что, в общем, это возможно. Но вряд ли ты на такое способен.

К а л и г у л а. Ты прав. Просто мне интересно узнать, совпадают ли наши мнения. Ну что же, наденем маски, будем лгать! Кассий, почему ты меня не любишь?

К а с с и й. Потому что тебя не за что любить, Кай. Потому что любви не прикажешь. И еще потому, что я слишком хорошо тебя понимаю, а разве можно любить то,

что тщательно в себе скрываешь?

К а л и г у л а. А почему ты меня ненавидишь?

К а с с и й. Ты ошибаешься, Кай. Я считаю тебя вредным, жестоким, эгоистичным, тщеславным человеком, но ненавидеть не могу: я вижу, как ты несчастен. И презирать не могу: я знаю, что ты— не подлец.

К а л и г у л а. Тогда почему ты хочешь меня убить?

К а с с и й. Я уже сказал: ты— вредный человек. Большинство людей чувствуют потребность в безопасности: они не хотят жить в мире, в котором самая причудливая фантазия в мгновение ока превращается в реальность и острым ножом вонзается в душу. Я тоже не хочу жить в таком мире.

К а л и г у л а. Безопасность и логика несовместимы.

К а с с и й. Согласен. Сказанное мной нелогично, но тем не менее, здраво.

К а л и г у л а. Продолжай.

К а с с и й. Мне нечего больше сказать. Я не собираюсь углубляться в твою логику— у меня есть свои представления о человеке и его долге, и я знаю, что большинство твоих подданных думают точно так же, как я. Ты тяготеешь над всеми, и вполне естественно, что ты должен исчезнуть.

К а л и г у л а. Все это понятно и вполне законно, для многих даже очевидно. Но только не для тебя.. Ты умен, а ум или многое себе позволяет или от многого отказывается. До сих пор ты отказывался, почему бы не начать позволять?

К а с с и й. Потому что я хочу жить и быть счастливым, а если стану на сторону абсурда, то лишусь и того и другого. Я— такой, как все. Иногда, желая чувствовать себя свободным, я мечтаю о смерти любимых людей, и нередко испытываю к женщинам вождедение, запрещенное законами семьи и дружбы. Будь я логичным, я стал бы убивать и насиловать. Но все подобные ~~жив~~ ~~живия~~ неопределенные желания не имеют для меня особого значения. Если бы все пытались жить ими, мы не смогли бы ни жить, ни быть счастливыми. А это, повторяю, для меня важнее всего.

К а л и г у л а. Ты веришь в какую-то высшую идею?

К а с с и й. Я верю в то, что некоторые поступки могут быть лучше других.

К а л и г у л а. А я считаю, что все они одинаковы.

К а с с и й. Мне это известно, Кай, и поэтому я тебя ненавижу. Ты тяготишь собой всех— ты должен исчезнуть.

К а л и г у л а. Вполне справедливо. Но почему ты, рискуя жизнью, говоришь мне все это?

К а с с и й. Потому что меня всегда заменят другие и потому что я не люблю лгать.

Молчание.

К а л и г у л а. Кассий!

К а с с и й. Что, Кай?

К а л и г у л а. Как ты считаешь: могут ли два благородных человека— хотя бы раз в жизни— поговорить друг с другом начистоту?

К а с с и й. Мы только что с тобой этим занимались.

К а л и г у л а. Да, Кассий. А ведь ты сказал, что я неспособен на такое.

К а с с и й. Признаю, Кай, что был неправ, благодарю за урок и жду твоего приговора.

К а л и г у л а. Приговора? Ах, ты имеешь в виду... /Достаёт из тоги табличку/. Тебе знакома эта вещь?

К а с с и й. Я знал, что она попала к тебе.

К а л и г у л а /страстно/. И, следовательно, вся твоя искренность была вынужденной! Так что поговорить начистоту нам не удалось. /Пауза/. Видно, иначе ~~нельзя~~ нельзя. Давай бросим играть в искренность и заживем, как прежде. Только старайся понимать смысл моих слов и не обращай внимания на оскорбления и насмешки. /Пауза/. Послушай, Кассий, это письмо единственная улика...

К а с с и й. Кай, я отказываюсь ~~вст~~ от этой противоестественной игры. Позволь мне уйти.

К а л и г у л а /так же страстно/. Постой, не уходи! Ты согласен с тем, что оно— единственная улика?

К а с с и й. Чтобы убить человека, тебе не нужны улики.

К а л и г у л а. Верно. Но сейчас я хочу противоречить себе. Особого вреда от этого не будет, но как приятно иногда противоречить себе! Противоречия успокаивает, а я нуждаюсь в покое...

К а с с и й. Не понимаю, зачем все эти сложности?

К а л и г у л а. У тебя, Кассий, здоровая душа, ты равнодушен к невозможному. /Взрыв смеха/. Ты хочешь жить и быть счастливым. И ничего больше!

К а с с и й. Полагаю, что нам лучше на этом кончить.

К а л и г у л а. Нет, еще не все. Минуту терпения. Смотри, единственная улика— в моих руках. Я желаю считать, что не могу казнить тебя без нее, и нахожу в этой мысли успокоение. Так вот, гляди, во что превращаются улики в руках императора.

Калигула подносит табличку к факелу. Кассий подходит ближе. Их разделяет только факел. Восковая табличка начинает плавиться.

К а л и г у л а. Гляди, заговорщик! Она расплавляется, и по мере ее исчезновения свет невинности озаряет твое лицо. Кассий, какой у тебя чистый лоб! Как прекрасна твоя невинность! Я восхищен своим могуществом: даже боги, возвращая человеку невинность, наказывают его, а твоему императору, чтобы оправдать тебя, понадобилось лишь пламя факела. Продолжай, Кассий! Доведи до конца ту превосходную мысль, с которой только что меня познакомил. Твоего императора ожидает заслуженный покой. Только с мечтой о нем он жет жить и быть счастливым.

Кассий в оцепенении смотрит на Калигулу. Потом делает слабое движение рукой, открывает рот и внезапно уходит. Калигула по-прежнему держит восковую табличку над факелом и, улыбаясь, смотрит вслед Кассию.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена 1

Сцена порружена в полумрак. Входит Кассий и Сципион. Кассий идет направо, затем налево и возвращается к Сципиону.

Сципион /отчужденно/. Чего ты от меня хочешь?

Кассий. Время не терпит. Мы не должны колебаться, пришла пора действовать.

Сципион. С чего ты взял, что я стал колебаться?

Кассий. Ты не пришел на вчерашнее собрание.

Сципион /отворачиваясь/. Все верно.

Кассий. Сципион, я старше тебя и не привык просить о помощи. Но в тебе я по-настоящему нуждаюсь. Для этого убийства нужны люди, внушающие уважение, а среди всех этих оскорбленных и жалких честолюбцев и трусов только у нас с тобой мотивы, ведущие к убийству, бескорыстны. Я знаю, ты нас не выдашь, но дело не в этом: я хочу, чтобы ты остался с нами.

Сципион. Понимаю, но остаться не могу.

Кассий. Так ты — с ним?

Сципион. Нет. Но и не против. /Пауза, затем глухо/. Если бы я его убил, моя душа была бы с ним.

Кассий. Но он казнил твоего отца!

Сципион. Да, с этого все началось. И этим, по сути дела, кончилось.

Кассий. Он отрицает все, во что ты веришь, осмеи-

вает все, что ты считаешь.

С ц и п и о н. Да. И тем не менее, что-то во мне напо-
минает его. Одно пламя сжигает наши души.

К а с с и й. Настало время выбирать. Я заглушил в себе
все, что напоминает его.

С ц и п и о н. А я выбирать не волен: помимо своих я
страдаю его страданиями. /Пауза/. Мое несчастье в
том, что я все понимаю.

К а с с и й. Иначе говоря, ты признал его правоту.

С ц и п и о н /кричит/. Кассий! Никто не может быть
прав!

Пауза. Они смотрят друг на друга.

К а с с и й /наступая на Сципиона, страстно/. Так знай
же, за то, что он сделал с тобой, я ненавижу его
еще больше!

С ц и п и о н. Он научил меня быть требовательным.

К а с с и й. Нет, довел до отчаяния! А ввергнуть юную
душу в отчаяние— преступление, с которым не может
сравниться ни одно, совершенное им. Оно вполне оп-
равдывает его убийство.

Кассий направляется к выходу. Входит
Геликон.

С ц е н а 2

Г е л и к о н. Кассий, я тебя искал. Калигула устраивает
небольшую приятельскую встречу. Ты должен присутст-
вовать. /Поворачивается к Сципиону/. А ты, голубчик,
не нужен. Можешь быть свободным.

С ц и п и о н /оборачивается в дверях к Кассию/. Кассий!

К а с с и й /очень тихо/. Да, Сципион?

С ц и п и о н. Попробуй меня понять.

К а с с и й /очень тихо/. Нет, Сципион.

Сципион и Геликон уходят.

С ц е н а 3.

За кулисами раздаётся лягг оружия. Справа появляются два стражника. Они ведут двух дрожащих от страха патрициев.

1-й п а т р и ц и й /стражнику, пытаюсь взять себя в руки/. Послушай, чего от нас хотят среди ночи?

С т р а ж н и к. Садись!

Указывает на ложе справа.

1-й п а т р и ц и й. Если нас собираются убить, то к чему эти сложности?

С т р а ж н и к /старому патрицию/. Садись, старый осел!

С т а р ы й п а т р и ц и й. Придется подчиниться. Вероятно, этот человек ничего не знает.

С т р а ж н и к. Вероятно, милешка, вероятно.

Уходит.

1-й п а т р и ц и й. Я говорил, что надо действовать быстрее. Теперь нам не избежать пытки.

С ц е н а 4

К а с с и й /садится, спокойно/. В чем дело?

1-й п а т р и ц и й и с т а р ы й п а т р и ц и й.

Заговор раскрыт.

К а с с и й. А дальше?

С т а р ы й п а т р и ц и й /дрожа/. Пытка!

К а с с и й /бесстрастно/. Однажды Калигула дал 80 000 сестерциев рабу, который под пыткой не сознался в своем воровстве...

1-й п а т р и ц и й. Немного же мы добились!

К а с с и й /продолжает/. ...явное доказательство того, что мужество ему по душе. Полезно иметь это в виду. /Старому патрицию/. Может быть хватит стучать зубами? Нашел время!

С т а р ы й п а т р и ц и й. Дело в том, что...

1-й п а т р и ц и й. Довольно! На карту поставлена наша жизнь.

К а с с и й /невозмутимо/. Вам известна любимая фраза Калигулы?

С т а р ы й п а т р и ц и й /почти плача/. Да. Он сказал палачу: "Убивай медленно, дай ему почувствовать смерть."

К а с с и й. Нет, другая, лучше. После одной казни он, зевнув, произнес: "Больше всего меня восхищает собственная невозмутимость."

1-й п а т р и ц и й. Слышите?

Лязг оружия.

К а с с и й /продолжает/. Что раскрывает слабую сторону его психологии.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Может быть хватит философствовать? Нашел время!

Из глубины сцены появляется раб, который приносит оружие и кладет его на ложе.

К а с с и й /не замечая раба/. Нельзя не признать, что этот человек оказывает на всех положительное влияние. Он заставляет думать. Опасность— вот что принуждает думать, и вот почему его так ненавидят.

С т а р ы й п а т р и ц и й /дрожа/. Смотри!

К а с с и й /замечает оружие, его голос несколько меняется/. Ты, кажется, прав.

1-й п а т р и ц и й. Надо было действовать. Мы слишком долго выжидали.

К а с с и й. Пожалуй. Но сейчас поздно говорить об этом.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Какой ужас! Я не хочу умирать!

Он встает и направляется к двери. Входят два стражника и силой возвращают его на место. Первый патриций съезживается на своем ложе. Кассий говорит что-то неразборчивое. Внезапно из глубины сцены раздаются резкие дребезжащие звуки цитр и цимбал. Патриции замолкают и оглядываются. Позади занавеса появляется тень Калигулы в короткой тунике танцовщицы, с цветами в волосах. Калигула делает несколько нелепых танцевальных движений и исчезает. Чуть позже стражник торжественно объявляет: "Представление окончено!" В это время незаметно входит Цезония. Услышав ее безразличный голос, все вздрагивают.

С ц е н а 5

Ц е з о н и я. Калигула велел мне передать, что если прежде вас вызывали сюда для обсуждения государственных дел, то сегодня вы приглашены для общения посредст-

вом искусства. /Пауза. Прежним тоном/. К этому он добавил, что нежелающим общаться подобным образом будут отрублены головы. /Патриции молчат/. Прошу простить за настойчивость, но мне надо узнать, понравился ли вам танец.

1-й патриций /нерешительно/. Да, Цезония, понравился.

Старый патриций /признательно/. Конечно! Цезония. А тебе, Кассий?

Кассий /хладнокровно/. Великое искусство.

Цезония. Отлично, я передам ваши мнения Калигуле.

Сцена 6

Входит Геликон.

Геликон. Кассий, ты действительно считаешь это великим искусством?

Кассий. В определенном смысле.

Геликон. Понятно. Ты — мужественный человек, Кассий. Двоедушный, как любой патриций, и вместе с тем — мужественный. А я — нет. И все же я вам пальцем не дам коснуться Кая, даже если он сам этого захочет.

Кассий. Не собираюсь устраивать с тобой дискуссий, однако замечу, что твоя преданность заслуживает всяческих поздравлений. Меня восхищают верные слуги.

Геликон. Да, я служу безумцу, а кому служишь ты? Добродетели? Послушай меня. Я родился рабом и сперва, как подобает честному человеку, добросовестно плясал

под плетью. Кай не устраивал со мной дискуссий, он просто освободил меня и взял к себе во дворец. И здесь я увидел вас, добродетельных и благородных. Я увидел пошлые и мерзкие лица тех, кто никогда в жизни не страдал и не подвергался опасности. Я увидел, что под вашими парадными одеждами скрываются ничтожные, трусливые и скупые души. И вы смеете судить? Вы, лавочники добродетели, мечтающие о безопасности, как молодые девицы о любви, вы, которые умрете от страха, так и не узнав, что лгали всю жизнь— вы смеете судить того, страданию которого нет конца, того, кто ежедневно истекает кровью из тысячи новых ран? Так знайте, прежде вам придется убить меня! Кассий, можешь презирать раба, но его преданность выше твоей добродетели, потому что он еще способен любить своего несчастного хозяина и защитить его от ваших вероломных речей и благородной лжи...

К а с с и й. Милый Геликон, ты ударился в красноречие.

А ведь когда-то у тебя был неплохой вкус.

Г е л и к о н. Зато вам всем вкус не изменяет! Как старые супруги, вы до последнего волоска похожи друг на друга! Не бойся, я возьму себя в руки. Просто я... Вглянись мне в лицо! Гляди внимательно! Вот так. Ты видел сейчас лицо врага.

Уходит.

С ц е н а 7

К а с с и й. Пора действовать. Побудьте пока здесь.

Уходит.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Побудьте, побудьте! А может, мне хочется уйти. /Сопит/. Здесь пахнет смертью.

1-й п а т р и ц и й. И ложью. /Грустно/. Я сказал, что танец мне понравился.

С т а р ы й п а т р и ц и й /примирительно/. Так оно и есть. В определенном смысле.

Быстро входят несколько патрициев и всадников.

С ц е н а 8

2-й п а т р и ц и й. Не знаете, что случилось? Император велел нам явиться.

С т а р ы й п а т р и ц и й /рассеянно/. Наверное, посмотреть его танец.

2-й п а т р и ц и й. Какой танец?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Ну, одним словом, общение посредством искусства.

3-й п а т р и ц и й. Мне сказали, что Калигула тяжело болен.

1-й п а т р и ц и й. Так оно и есть.

3-й п а т р и ц и й. Что с ним? /С восторгом/. Клянусь богами, он умирает!

1-й п а т р и ц и й. Вряд ли. Его болезнь смертельна только для других.

2-й п а т р и ц и й. Понятно. Но ведь существуют болезни менее тяжелые и не столь опасные для нас?

1-й п а т р и ц и й. Увы, его болезнь не терпит конкуренции! Прошу прощения, мне надо повидать Кассия.

Уходит. Появляется Цезония. Непродолжительное молчание.

С ц е н а 9

Цезония /с безразличным видом/. Калигула тяжело болен. Только что у него началась кровавая рвота.

Патриции окружают ее.

2-й патриций. О, всемогущие боги, клянусь, что в случае выздоровления Калигулы внесу в государственную казну Двести тысяч сестерциев!

3-й патриций /ххх театрально/. О Юпитер, возьми мою жизнь вместо его!

Входит Калигула.

Калигула /направляясь ко 2-му патрицию/. Луций, я с благодарностью принимаю твой дар. Завтра к тебе придет мой казначей. /Подходит к 3-му патрицию и обнимает его/. Октавий, ты не можешь представить, как я расстроган! /Молчание. Нежно/. Значит, ты меня любишь?

3-й патриций /убежденно/. Цезарь, нет ничего на свете, чего бы я ни отдал ради тебя!

Калигула /снова обнимает его/. Ах, Октавий, я не заслужил такой любви. /3-ий патриций протестует/. Нет, нет, уверяю тебя, я не достоин. /Подзывает двух стражников/. Уведите его! /3-му патрицию, тихо/. Иди, друг. И помни, что Калигула отдал тебе свое сердце.

3-й патриций /начиная догадываться/. Куда меня ведут?

К а л и г у л а. На казнь. Ты ведь отдал свою жизнь вме-
сто моей. Представь, я чувствую себя гораздо лучше.
Исчез отвратительный привкус крови во рту. Октавий,
ты меня излечил. И счастлив, наверное, что отдаешь
жизнь за императора? А я вновь здоров и готов вку-
сить все радости жизни.

Стражники хватают 3-го патриция, он сопро-
тивляется и кричит.

3-й п а т р и ц и й. Не надо! Не надо! Я пошутил!

К а л и г у л а /мечтательно/. Скоро вдоль дороги к морю
расцветут мимозы. Женщины оденут легкие туники. И
надо всем— просторное холодное небо. Ах, Октавий!
Какая ирония судьбы!

Стражники тащут 3-го патриция к двери.
Цезония легонько его подталкивает.

К а л и г у л а /поворачивается, неожиданно серьезно/.
Друг мой, если бы ты по-настоящему любил жизнь, ты
не играл бы с ней так безрассудно.

Стражники и 3-й патриций удаляются.

К а л и г у л а /возвращаясь к столу/. Проигравший распла-
чивается. /Пауза. Он поворачивается к остальным/.
Кстати, мне пришла в голову замечательная мысль, ко-
торой спешу с вами поделиться. До сих пор мое прав-
ление было слишком благополучным. Ни эпидемии чумы,
ни бесчеловечной религии, ни государственного пере-
ворота, короче, ничего такого, что сохранилось бы в
памяти потомков. А я в какой-то степени компенсирую
чрезмерное благоволение судьбы. Не знаю, понимаете

ли вы меня... /Со смешком/. Одним словом, я заменяю вам чуму. /Меняя тон/. Но тише, тише! Идет Кассий. За дело, Цезония.

Быстро уходит. Появляется Кассий, с ним 1-й патриций.

С ц е н а 1 0

Цезония торопливо подходит к Кассию.

Ц е з о н и я. Калигула умер.

Она отворачивается, как бы плача, и пристально глядит на патрициев. Все молчат и имеют довольно подавленный вид.

1-й п а т р и ц и й. Ты...ты в этом уверена? Не может быть! Он только что танцевал.

Ц е з о н и я. Танец его и сгубил.

Кассий быстро переходит от одного патриция к другому и возвращается к Цезонии. Все молчат.

Ц е з о н и я /медленно/. Кассий, почему ты молчишь?

К а с с и й /также медленно/. Какое великое несчастье.

Быстро входит Калигула и направляется к Кассию.

К а л и г у л а. Отлично сыграно, Кассий! /Поворачивается и смотрит на остальных. С раздражением/. Ну ладно! Не вышло— и не надо. /Цезонии/. Не забудь о том, что я сказал.

Уходит.

С ц е н а 11

Цезония молча смотрит вслед Калигуле.

С т а р ы й п а т р и ц и й /неутомимо/. Цезония, не болен ли он?

Ц е з о н и я /со злостью глядя на него/. Нет, милашка, не болен. Но если хочешь знать, он спит всего два часа в сутки и целыми ночами бродит по коридорам своего дворца. Тебе никогда не узнать, о чем он думает в эти изнурительные ночные часы. Болен? Нет, он не болен. По крайней мере до тех пор, пока не придумают название для его болезни и лекарство от язв, покрывших его душу.

К а с с и й /задетый/. Ты права, Цезония. Мы знаем, что Кай...

Ц е з о н и я /быстро/. Да, знаете. Но, как и все, кто лишен души, не в силах помочь тому, у кого ее слишком много. Слишком много! Вас это, кажется, беспокоит? Ну что ж, назовите это болезнью— все станет на свои места. /Другим тоном/. Кассий, ты когда-нибудь любил?

К а с с и й. Я слишком стар для этого, да и не уверен, что Калигула даст мне время для подобных занятий.

Ц е з о н и я /овладев собой/. Пожалуй. /Садится/. Я чуть не забыла про указания Калигулы. Вам, наверное, известно, что сегодняшний день посвящен искусству?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Согласно календарю?

Ц е з о н и я. Согласно Калигуле. Он велел позвать сюда поэтов, которым предложит тему для импровизации, и

высказал пожелание, чтобы те из вас, кто пишет стихи, тоже приняли участие в конкурсе. В частности, он рекомендовал Сципиона и Метеллия.

1-й патриций. Но мы не готовились.

Цезония /как будто не расслышав, безразличным голосом/. Естественно, будут награды. Но будут и наказания. /Патриции несколько отступают/. Могу сказать по секрету: не очень тяжелые.

Входит Калигула. Он выглядит печальнее обычного.

Сцена 12

Калигула. Все готово?

Цезония. Все. /Стражнику/. Введи поэтов.

По двое входят поэты и, шагая в ногу, направляются в правый конец сцены. Их около десятка.

Калигула. А остальные?

Цезония. Сципион! Метелий!

Сципион и Метелий присоединяются к поэтам. Калигула садится слева в глубине сцены, рядом с ним — Цезония и остальные патриции. Короткая пауза.

Калигула. Тема: смерть. Время: одна минута.

Поэты принимаются торопливо писать на своих табличках.

Старый патриций. А кто входит в жюри?

Калигула. Я. Этого недостаточно?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Нет, почему же, почему же!
К а с с и й. Кай, ты участвуешь в конкурее?
К а л и г у л а. Это излишне. Я давно создал композицию
на эту тему.

С т а р ы й п а т р и ц и й. С ней можно познакомиться?
К а л и г у л а. Я повторяю ее ежедневно.

Цезония тревожно смотрит на него.

К а л и г у л а /грубо/. Тебе не нравится мое лицо?

Ц е з о н и я /тихо/. Прости.

К а л и г у л а. Ради бога, оставь это смирение! Я и тебя
с трудом выношу, а тут еще смирение!

Цезония медленно поднимается.

К а л и г у л а /Кассию/. Я продолжаю. Композиция, создан-
ная мной, доказывает, что я— единственный поэт, слы-
шишь, Кассий, единственный поэт, у которого слова не
расходятся с делом.

К а с с и й. Все дело во власти.

К а л и г у л а. Совершенно верно. Тем, кто лишен власти,
приходится творить. А я не нуждаюсь в творчестве: я
живу. /Грубо/. Ну что, готовы?

1-й патриций. Кажется, да.

В с е. Готовы.

К а л и г у л а. Тогда слушайте. Каждый из вас будет по
очереди выходить из общего ряда. Первый начнет чтение
Когда я свистну, он замолчит, и начнет другой. И так да-
лее. Победителем окажется тот, кого я не прерву.
Приготовились! /Поворачивается к Кассию, доверитель-
но/. Во всяком деле необходима организация, даже в

искусстве. /Поэтам/. Начали!

Свисток.

1-й п о э т. О смерть, когда за черною рекой...

Свисток. Поэт отходит налево. Остальные будут делать то же самое. Механическая сцена.

2-й п о э т. Три мойры в глубокой пещере...

Свисток.

3-й п о э т. Тебя я призываю, смерть...

Яростный свисток.

4-й поэт принимает позу декламатора, но не успевает раскрыть рта, как раздаётся свисток.

5-й п о э т. Когда я был ~~я~~ ребенком малым...

К а л и г у л а /кричит/. Послушай, какая может быть связь между смертью и детством идиота? Отвечай!

5-й п о э т. Кай, я еще не кончил...

Пронзительный свисток.

6-й п о э т /откашливается/. Неумолимая, она бредет...

Свисток.

7-й п о э т /загадочно/. Бесцветная и многословная молитва...

Прерывистый свисток.

С ц и п и о н выходит без таблички.

К а л и г у л а. Твой черед, Сципион. Ты- без таблички?

С ц и п и о н. Обойдусь без нее.

К а л и г у л а. Тогда начинай.

Он перебирает во рту свисток.

С ц и п и о н /стоя совсем рядом с Калигулой, но не гля-
дя на него. Устало/.

Поиски счастья, что снимает с человека
вину,
Небо в слепящем течении света,
Прекрасное и страшное торжество,
Мое безумие без тени надежды.

К а л и г у л а /тихо/. Довольно. /Сципиону/. Ты слишком
молод, чтобы по-настоящему знать о смерти.

С ц и п и о н /глядя на Калигулу/. Я был еще моложе, ко-
гда потерял отца.

К а л и г у л а /внезапно отвернувшись/. Эй, стройся!
Плохой поэт— слишком тяжелое испытание для моего
вкуса. До сих пор я надеялся, что вы— союзники, и
думал о вас, как о последнем отряде своих защитни-
ков. Все тщетно, отправляйтесь в стан моих врагов!
Поэты— против меня, и это конец. Выходите строем.
Проходя мимо, лижите таблички, чтобы стереть с них
следы своих безобразий. Внимание! Шагом марш!

Ритмические свистки. Поэты, шагая в ногу,
уходят направо, облизывая по пути таблички.

К а л и г у л а /очень тихо/. Уйдите все.

У двери Кассий трогает 1-го патриция за
плечо.

К а с с и й. Пора!

Сципион слышит это, в нерешительности останавливается на пороге и возвращается к Калигуле.

К а л и г у л а /зло/. Ты можешь оставить меня в покое, как это сделал когда-то твой отец?

С ц е н а 1 3

С ц и п и о н. Я знаю, Кэй, что все бесполезно— ты уже принял решение.

К а л и г у л а. Уйди.

С ц и п и о н. Ухожу. Кажется, я все понял. Ни у тебя, ни у меня, так похожего на тебя, нет никакого выхода. Я уеду отсюда, чтобы открыть причину всего этого. /Пауза. Он смотрит на Калигулу. С ударением/. Прощай, друг! Когда будешь кончать со всем, не забывай, что я любил тебя.

Уходит. Калигула смотрит ему вслед. Движение. Однако он резко встряхивается и возвращается к Цезонии.

Ц е з о н и я. Что он сказал?

К а л и г у л а. Тебе этого не понять.

Ц е з о н и я. О чем ты думаешь?

К а л и г у л а. О нем. О тебе. Впрочем, это одно и то же.

Ц е з о н и я. Что?

К а л и г у л а /глядя на нее/. Сципион уехал— с дружбой покончено. Одному теперь удивляюсь: почему ты еще здесь?

Ц е з о н и я. Потому что я тебе нравлюсь.

К а л и г у л а. Не поэтому. Если бы я тебя убил, то наверное, понял, почему.

Ц е з о н и я. Прекрасный выход, можешь им воспользоваться. Но не лучше ли позволить себе хоть недолго жить свободно?

К а л и г у л а. Уже несколько лет я живу свободно.

Ц е з о н и я. Я имею в виду другое. Пойми меня правильно. Как, наверное, прекрасно жить и любить, оставаясь невинным.

К а л и г у л а. Каждый обретает свою невинность по-своему. /Пауза/. Однако убить тебя не мешает. /Смеется/. Твоя смерть была бы вершиной моей жизни.

Калигула поднимается и поворачивает к себе зеркало. Потом, начинает ходить по кругу, словно пойманный зверь.

К а л и г у л а. Странно! Когда я не убиваю, я чувствую себя одиноким. Живые не в силах заполнить мой мир и избавить меня от скуки. Когда вы здесь, рядом-передо мной открывается безмерная пустота, которую никак не охватить. По-настоящему мне хорошо только среди мертвых. /Калигула стоит лицом к зрительному залу, чуть наклонившись вперед. Он словно забыл о Цезонии/. Они- настоящие, такие же, как я. Они ожидают и торопят меня. /Качает головой/. Я часто веду долгие разговоры с теми, кто молил меня о пощаде и кому я велел вырвать язык.

Ц е з о н и я. Иди сюда. Положи мне голову на колени.
/Калигула повинуется/. Тебе хорошо. Все молчит.

К а л и г у л а. Молчит? Ошибаешься! Разве ты не слышишь лязг ~~ж~~ железа? /Раздается лязг железа/. И эти тысячи голосов скрытой ненависти?

Доносятся голоса.

Ц е з о н и я. Никто не посмеет...

К а л и г у л а. Глупость посмеет.

Ц е з о н и я. Она не убивает. Она уступает мудрости.

К а л и г у л а. Нет, Цезония, она — убийца. Глупость — убийца, поскольку считает себя оскорбленной. Меня убьют не те, кого я лишил отца или сына. Эти меня понимают, эти со мной. У нас во рту один и тот же привкус. Меня убьют другие, те, которых я оскорбил и над которыми смеялся. Против них у меня нет защиты.

Ц е з о н и я /горячо/. Мы любим тебя, мы тебя защитим, нас еще много.

К а л и г у л а. Все меньше и меньше, и я сам виноват в этом. К тому же надо быть справедливым: против меня не одна глупость, но честность и мужество тех, кто хочет быть счастливым.

Ц е з о н и я /та же игра/. Нет, тебя не убьют. Небо испепелит их прежде, чем они к тебе прикоснутся.

К а л и г у л а. Небо? Бедная женщина... Нет никакого неба! /Садится/. Не понимаю, к чему столько любви сразу? Это не по нашему уговору.

Ц е з о н и я /поднимается и ходит по комнате/. Разве мне мало видеть, как ты убиваешь других, а надо непременно знать, что убьют тебя? Разве мне мало обнимать

тебя, жестокого, истерзанного, и вдыхать в себя запахи убийцы? Каждый день я вижу, как в тебе умирает человеческий облик. /Поворачивается к нему/. Мне известно, что я— старая и некрасивая. Но любовь к тебе настолько изменила мою душу, что теперь совершенно неважно, любишь ты меня или нет. Я хочу одного: увидеть тебя, совсем еще ребенка, исцеленным. Ради этого я готова отдать свою жизнь. Можешь ты потребовать от меня что-нибудь больше, чем жизнь?

К а л и г у л а /встает и смотрит на нее/. Слишком ты здесь задержалась.

Ц е з о н и я. Да. Но ты меня все равно оставишь?

К а л и г у л а. Не знаю. Знаю только, почему ты еще здесь: из-за острых и безрадостных ночных наслаждений, из-за всего того, что тебе обо мне известно. /Он обнимает Цезонию, одной рукой чуть отведя ее голову назад/. Мне— двадцать девять, совсем немного. Но сейчас, когда жизнь оказалась слишком затянувшейся, отяжелевшей и завершенной, ты— мой последний свидетель. Я не желаю отречься от своей постыдной нежности к стареющей женщине, которой ты стала.

Ц е з о н и я. Обещай, что оставишь меня.

К а л и г у л а. Не знаю. Самое ужасное, это то, что моя нежность к тебе— единственное подлинное чувство, которое у меня сохранилось.

Цезония выскользывает из его рук, Калигула следует за ней. Она прижимается к нему спиной, он ее обнимает.

К а л и г у л а. Не лучше ли и последнему свидетелю исчезнуть?

Ц е з о н и я. Мне все равно. Я счастлива от твоих слов. Почему бы нам не разделить это счастье?

К а л и г у л а. Кто тебе сказал, что я несчастен?

Ц е з о н и я. Счастье великодушно. Оно не может жить уничтожением.

К а л и г у л а. Значит, существуют два вида счастья, и я выбрал счастье убийцы. Ибо я счастлив. Было время, когда я решил, что достиг пределов боли. Но нет, оказалось, что можно идти дальше. И там, на самом краю, я нашел бесплодное и могущественное счастье. Взгляни на меня.

Цезония поворачивается к нему.

К а л и г у л а. Цезония, смешно подумать, что в течение нескольких лет Рим боялся произнести имя Друзиллы. Все эти годы Рим ошибался. Я давно понял, что мне мало любви. Сейчас, глядя на тебя, я понимаю это вновь. Любить человека — значит стариться вместе с ним. Я не способен на такую любовь. Лучше Друзилла мертвая, чем состарившаяся. Принято считать, что особое страдание человеку причиняет мысль о смерти любимого существа. Нет, истинная причина страдания: мысль о том, что и печаль — преходяща. Даже горе лишено смысла. /Пауза/. Как видишь, и призрак любви, и горечь меланхолии оставили меня. Сегодня я свободнее, чем прежде: я освободился от

воспоминаний и заблуждений. /Горестно смеется/. Я знаю, что все— преходяще. Как тяжело это знать! Из двух—трех человек, которые пережили этот печальный опыт, каждый достиг своего безумного счастья. Цезония, ты досмотрела до конца эту забавную трагедию. Время пришло: занавес закрывается.

Он подходит к ней сзади и обхватывает шею рукой.

Цезония /в ужасе/. Неужели эта жуткая свобода и есть счастье?

Калигула /медленно сжимая ей горло/. Можешь не сомневаться. Без свободы я остался бы ограниченным самодовольным человеком, а благодаря ей обрел божественную пронизательность одиночества. /Он понемногу возбуждается и все сильнее сжимает горло Цезонии, которая совершенно не сопротивляется. Он говорит, склонившись к ее уху/. Я живу, я убиваю, я обладаю властью разрушителя, после которой власть создателя кажется ~~красивым~~ простым кривлянием. Это и значит быть счастливым. Вот мое счастье: непереносимое освобождение, всеобщее презрение, кровь, ненависть, беспримерное одиночество, радость ненаказуемого убийцы, неумолимая логика, дробящая людские жизни... /Смеется/. Логика, которая раздробит тебя, Цезония, и доведет до предела то бесконечное одиночество, которого я жажду.

Цезония /слабо/. Кай!

К а л и г у л а /возбужденный/. Довольно нежностей! Вре-
мя не ждет. Цезония, родная, время не ждет!

Цезония хрипит и замолкает. Калигула опускает ее на кровать и смотрит на нее блуждающим взглядом.

К а л и г у л а /хрипло/. Ты тоже виновна. Но разве убийство- решение?

С ц е н а 1 4

Калигула в растерянности подходит к зеркалу.

К а л и г у л а. Калигула! И ты виновен. Чуть больше, чуть меньше- какая разница? Однако кто посмеет осудить тебя в мире, где нет судьи и где все виновны? /Прислонясь лицом к зеркалу, с глубоким выражением скорби/. Геликон так и не пришел. Луна никогда не будет моей. Как горько сохранять разум и следовать ~~к~~ своему долгу до конца. Как я боюсь конца! Лязг оружия... Это невинность готовит свой триумф. Почему я не с ними? Мне страшно! Как отвратительно: презирать чужую трусость и открыть ее в собственной душе! Ничего, страх тоже преходящ. Скоро, скоро я обрету ту великую пустоту, в которой душа найдет свое успокоение.

Калигула отходит и снова возвращается к зеркалу. Теперь он выглядит спокойнее.

К а л и г у л а /тихо и сосредоточенно/. Все кажется таким сложным, и однако же все очень просто. Если бы

луна стала моей, тогда бы все изменилось. Но где, где утолить эту жажду? Какая душа, какой бог явит собой желанный источник? /Становится на колени и плачет/. Ни в этом мире, ни в мире ином ничто не может меня успокоить. /Он протягивает руки к зеркалу/. Впрочем, и мне, и тебе хорошо известно, что мне надо. Мне надо, чтобы невозможное существовало. Невозможное! Я искал его на краю света, у пределов самого себя. Я протягивал к нему руки /Кричит/. Я протягиваю к нему руки- и натываюсь на тебя! Ты всегда оказываешься передо мной- о, как я тебя ненавижу! /Пауза/. Неужели я избрал неверный путь и ничего не достиг? Неужели в моей свободе нет ничего благого? Геликон! Геликон! Где ты? Какая тяжелая ночь! Геликон не придет: мы навсегда остаемся виновными.

Из-за кулис доносится лязг оружия и крики.

Г е л и к о н /показываясь в глубине сцены/. Кай, берегись! Берегись!

Невидимая рука пронзает Геликона кинжалом. Калигула поднимается, берет в руки скамейку и, тяжело дыша, подходит к зеркалу. Он смотрит на свое отражение, затем, резко подавшись вперед, изо всех сил бросает скамейку в зеркало.

К а л и г у л а /кричит/. В историю, Калигула, в историю!

Зеркало разлетается вдребезги, и в тот же момент изо всех дверей появляются вооруженные заговорщики. Калигула с безумным смехом корчит рожи. Старый патриций вонзает ему кинжал в спину, Кассий- в грудь.

Смех Калигулы переходит в икоту. Заговорщи-
ки наносят ему новые удары.

К а л и г у л а /смеясь и хрипя/. Я еще жив!

З а н а в е с

1944 г.